ВЕЗИРИ

ИЛИ

ОЧАРОВАННЫЙ ЛАВИРИНѲЪ.

ПОВѢСТЬ ВОСТОЧНАЯ.

ЧАСТЬ III.

переведена

ВАСИЛЬЕМЪ ЛЕВШИНЫМЪ.

ВЪ МОСКВѢ

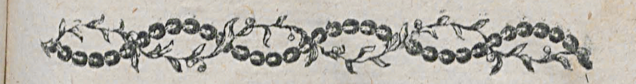
ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова. 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Везири или Очарованный Лавиринѳъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ* о *разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ВЕЗИРИ
ИЛИ
ОЧАРОВАННЫЙ ЛАВИРИНѲЪ.

Не безъ чувствительности, свойственной горячему сложенію, узналъ Цериръ, что Сагебъ противится слѣдовать повелѣніямъ его, и приближается къ Карецму; и новый наперсникъ его Мелекъ, лилъ съ искусною ненавистію въ сей огонь масло. Но какъ споръ страстей часто упадаетъ къ выгодамъ разума, такъ и любовь, восторжествовавъ прежде надъ гнѣвомъ и гордостію, вступила на путь покойнѣйшихъ разсужденій.

Влюбленный Король вспомнилъ, что Сагебъ, есть отецъ Цулики, и рѣшитель его благополучія; по чему принялъ отъ упорствующей Мелековой руки письмо въ которомъ Везирь непослушаніе свое извинялъ въ трогательныхъ выраженіяхъ усердія и дружества.

Великодушное, отъ страстей своихъ въ заблужденіе приведенное сердце, хотя возмущается, естьли попрепятствуютъ ему въ желаніяхъ; но съ благодарностію пріемлетъ непріятныя представленія, когда вѣдаетъ, что текутъ сіи отъ праводушныя склонности. Сіе позналъ Перипъ. Онъ простерся далѣе въ надеждѣ, кою вливала въ него Везирева привязанность къ нему, не сумнѣвался болѣе въ будущемъ его согласіи, и возлагалъ на себя вину неосмотрительности, что не увѣдомилъ его о причинѣ, за чѣмъ отвергаетъ онъ Принцессу Цаблестанскую.

И такъ надежда взяла опять во власть свою сердце его, и мысли его стали спокойнѣе. Онъ довольно предвидѣлъ, что естьли возобновитъ повелѣніе свое о возвратѣ Перизады, когда она можетъ быть уже въ земляхъ Карецмскихъ, то можетъ огорчить Везиря, и положить новыя препоны и замедлѣнія въ разрѣшеніи судьбы своей. Однакожъ за необходимое считалъ, убѣгнуть присутствія сей нещастной Принцессы. Онъ повелѣлъ принять ее со всѣми знаками почтенія, и остановиться ей въ замкѣ, лѣжащемъ по пути къ Цамакшару.

Не

Не возможно описать ужасъ Мелека, когда повѣрилъ Церирь ему все таинство, и усмотрѣлъ, коль неразумно поступилъ онъ противу Сагеба. Малый и ползающій его разумъ не могъ постигнуть причинъ поступка сего мужа души великія. Какъ не сумнѣвался онъ, что Везирь возвышеніе дочери своей предпочтетъ всѣмъ другимъ основаніямъ; то въ мысляхъ таковыхъ зрѣлъ онъ себя на краю погибели, и отшелъ изобрѣтать средства, чѣмъ бы миновать мнимую, висящую надъ главой его опасность.

Расположенія злыхъ людей всегда мѣшаются съ обманомъ, а провождаются новыми пороками. Мелекъ нашелъ случай, наполнить ложью уши Сафиры и Гулруцы, и увѣрить ихъ, что Церирь намѣренъ, получить Цулику во власть свою до возвращенія отца ея, дабы упредить всякія упорства къ соглашенію на то. Какъ ненавистный его ковъ не могъ быть опровержень женщинами, приписывалъ онъ имъ по крайней мѣрѣ робкую добродѣтель, и льстилъ себѣ, что сіи двѣ любви достойныя другини, употребятъ соразмѣрные намѣреніямъ его способы. Въ добрыхъ мысляхъ, которыя имѣлъ объ нихъ, онъ не обшибся; но основанное на

томъ произшествіе учинилось не сходно съ ожиданіемъ его.

Чтобъ освободить дочь свою отъ угрожаемаго нападенія, вознамѣрилась разумно обезпокоенная Сафира, послать ее подъ покровительствомъ Гулруцы и Елиха въ Королевство Туранское. Предпріятіе сіе содержано очень тайно; но какъ прискивающая злоба умѣетъ проникать скрытнѣйшія углы осторожности, и жадное корыстолюбіе сокровенное для того только вывѣдываетъ, чтобъ изъ драгоцѣннаго содержанія онаго сдѣлать злоупотребленіе; то Руска, отпущенная изъ службы Сафириной, открыла причины пріуготовленія произходящія въ домѣ Сатеба, спѣшила кипящая мщеніемъ къ Цериру, и требовала защищенія своей воспитанницѣ.

Горячій Монархъ отъ вѣсти сей пришелъ въ неописанный гнѣвъ; но лукавая невольница нашла способъ удержать оный, представя ему, что гораздо пристойнѣе для любви и чина его, освободить Цулику отъ насильства Гулруцы, чѣмъ отнять изъ покровительства ея родительницы.

Въ слѣдствіе сего заключенія разставлены многіе отрядные караулы, и по

по данному онымъ знаку, получилъ Цериръ въ руки свои склонную красавицу. Темнота ночная благопріятствовала ему, скрывъ непристойныя его восторги, и къ крайнему изумленію Мелека, возвратился онъ во дворецъ съ дражайшею своею добычею.

Въ томъ, какъ обманутый придворный укорилъ себя, что поспѣшествовалъ соединенію, котораго, яко величайшаго нещастія опасался, и въ крайнемъ огорченіи сидѣлъ у дверей, противу открытаго поля находящихся, на коемъ измѣненная невинность съ пламенемъ любви неравный бой имѣла; увидѣлъ онъ въ дали Везиря, приближающагося поспѣшными шагами нетерпѣливаго безпокойства, и сей единый разъ привелъ его въ зломъ намѣреніи произвесть доброе дѣло, увѣдомленіемъ Сагеба о опасности его дочери.

Подобно кормчему, изчерпавшему уже бодрость и искусство въ стараніи проплыть камни и отмѣли опаснаго моря, который безъ спасенія числитъ себя погибшимъ, находя, что корабль его влечется въ страшномъ вихрѣ незнакомыя пучины. Равно было съ Везиремъ. Церировы прежнія жестокости не побѣдили его постоянства. Послѣднее отъ него Перизадѣ

оказанное поруганіе совсѢмЪ оное ослабили. Не бывЪ постигнутЪ смертнымЪ ужасомЪ, не могЪ принять онЪ сей неожидаемый ударЪ, кажущійся на вѢки раздробляющимЪ честь его и всѢ прочія надежды.

МелекЪ, коему сіе пораженіе, показалось вЪ немЪ обморокомЪ, старался изЪ онаго Сагеба привесть вЪ себя. ГласЪ злаго человѢка удобенЪ только смерть приключать, а не жизнь возвращать добродѢтельному сердцу. По щастію случилась тогда пристойнѢйшая помощь. ЦерирЪ не уважилЪ посадить подЪ стражу Гулруцу, какЪ учинилЪ то сЪ ЕлихомЪ. Она явилась сЪ оставленною Сафирою вЪ печальное сіе мгновеніе, во время когда сами они бродили вЪ пустынѢ отчаянія.

ОбомлѢвшій СагебЪ трогающими обЪятіями возлюбленной супруги, коя орошала его слезами, и ревностными попеченіями Гулруцы приведенный вЪ себя, получилЪ вскорѢ употребленіе разума своего. ОнЪ запретилЪ имЪ обѢимЪ слѢдовать за собою, и сЪ врожденнымЪ своимЪ мужествомЪ пошелЪ во дворецЪ.

Почитающая ево стража не препятствовала ему входЪ во внутренніе покои. По повелѢнію его отворяли всѢ двери. ЦерирЪ ужаснулся, видя на челѢ его

на-

начертанное величество и негодованiе, сталъ безмолвенъ, и въ крайнемъ замѣшательствѣ. Но не такъ было съ Цуликою. Въ радостномъ восхищенiи бросилась она къ родителю своему, обняла его колѣна, вопiя:

О щастливый, высочайше благополучный часъ, въ который встрѣчаютъ взоры моего родителя, прежде нежели рѣки превозмогающей любви погрузили сердце мое въ своихъ сладостяхъ. Да, дражайшiй датель жизни моей, сей великодушный и любви достойный Монархъ, вздыхаетъ по своемъ и моемъ благополучiи, и почти уговорилъ меня, принять драгоцѣнный подарокъ своея вѣрности, и безъ согласiя твоего предаться его объятiямъ. О! я забыла бы мой долгъ противу тебя, естьлибъ только усмотрѣлъ онъ, какъ сражалось сердце мое съ препятствующими моими устами, чтобъ не лишиться удовольствiя принять отъ самого тебя согласiе и благословенiе къ толь славному для меня браку.

Невинныя черты лица Цуликина, и улыбками подкрѣпляемая ея откровенность, ободрили пораженный духъ Сагебовъ. Онъ поднялъ ее, обнялъ родительски, и кроткимъ гласомъ склонности сказалъ:

Спѣши, дочь моя! принесть утѣшеніе твоей родительницѣ, вЪ каковое привела ты мое сердце. Она ожидаетЪ тебя у воротЪ дворца. Довѣрь ее и моимЪ попеченіямЪ твое истинное благополучіе.

По симЪ словамЪ возвела невинная дѣвица наполненные впечатлѣнія очи свои на Церира, поцѣловала нѣжно руку отца своего, и пошла сЪ проворностію возвышенныя надежды.

ПослѢ трогающаго явленія сего, слѣдовало замѣшательное молчаніе, которое прервалЪ наконецЪ СагебЪ, начавЪ кЪ Цериру слѣдующее:

КакЪ охотно желаю я пощадить стыдЪ отЪ твоего раскаянія, не буду я спрашивать о причинахЪ того, что видѣлЪ и слышалЪ; и какЪ дочь моя милостію небесЪ избавлена отЪ двойныхЪ сѣтей твоего искушенія и ея несмысленности: то жалуюсь я о удовлѣтвореніи, коимЪ долженЪ ты мнѣ за толь недостойный поступокЪ и незаслуженное поруганіе, кЪ собственному твоему сердцу.

АхЪ! обЪяви себя моимЪ другомЪ, вскричалЪ ЦерирЪ. Я не хочу представлять тебѣ чистоту моихЪ намѣреній. Прости мнѣ великодушно, естьли ты оскорбленЪ, и требуй всего, что вЪ моей состоитЪ власти.

Такъ послѣдуй мнѣ не медленно въ замокъ, подхватилъ Сагебъ, въ коемъ твои неодуманные приказы удержали Перизаду подъ карауломъ; раскайся въ своемъ подломъ противу ея поступкѣ, и тогда забуду я мое собственное оскорбленіе. Еще хочу я быти твоимъ истиннымъ другомъ и вѣрнымъ подданнымъ, естьли ты отдашь справедливость Принцессѣ, которыя красота такъ помрачаетъ всѣ красоты въ свѣтѣ, какъ блистающая Цохара (*) стадо звѣздъ на голубомъ сводѣ. Что лѣжитъ до моей дочери. —— ——

Удержи лютыя рѣчи свои, прервалъ Церимъ, не пронзай толь острыми стрѣлами словъ твоихъ сердца, которое противу тебя не имѣетъ оправданія, но и не можетъ склониться на твои неестественныя предразсудки. Предпріятіе, чрезмѣрно оскорбившее достоинство мое, предало въ руки мои Цулику; но знай, что я еще прежде сего случая, который любовь моя учинила необходимостію, заключилъ возвесть ее на престолъ мой. Сіе ли толь ужасное тебѣ оскорбленіе? Безчестіе ли тебѣ, что назову я тебя отцомъ моимъ? Такъ

(*) *Планета Венера по Персидски.*

ТакЪ Государь! говорилЪ СагебЪ, имя, которое во всѣхЪ другихЪ обстоятельствахЪ было бы моею гордостію, днесь покроетЪ меня только срамомЪ. Не подосадуй на мою необходимую вольность мнѣнія. Не время льститься мнѣ суетными идолами чести. Когда я уступилЪ твоимЪ желаніямЪ, да, еще и сЪ перваго свѣта моего разума, возвелЪ я очи мои кЪ пресвѣтлому престолу добродѣтели, предЪ коимЪ всѣ короны земныя прахЪ суть. ТамЪ только дочь моя можетЪ во истинну возвыситься, туды долженЪ я вести ее, вмѣсто чтобЪ и самому сугубымЪ преступленіемЪ сбиться сЪ освященнаго пути сего. Я обязанЪ вѣрностію твоею Принцессѣ, коя надмѣру достойна любви твоей и почитанія, и кою ты безЪ казни оскорбить не можешь. Но естьли бы я отЪ имяни твоего сватался за женщину и низкой природы, и когдабЪ сЪ вѣроломствомЪ твоимЪ не соединялась опасность: то и вЪ таковомЪ случаѣ не хотѣлЪ бы быти я совиновникомЪ. Я обѣщалЪ Цулику Елиху, и когда бы она весь свѣтЪ несла за собою вЪ приданые: то не нарушилЪ бы я слова моего кЪ безпокровному сыну моего друга.

Це-

Церирѣ желалѣ скрыть нетерпѣливость свою кѣ высокодушной рѣчи Везиря своего; но услышавѣ имя Елиха, не могѣ удержаться болѣе, и сказалѣ сѣ свирѣпымѣ взглядомѣ:

Стрегись, дерзскій человѣкѣ! стрегись во зло употребить благодарность, коею долженѣ я прежнимѣ твоимѣ заслугамѣ. Сія обязанность угаснетѣ вѣ мгновеніе, когда я вижу, что ты вмѣсто возстановленія сіянія моей короны, назначиваешь меня кѣ стыду презрѣнныхѣ оковѣ. Удались, и разсуди получше о своихѣ должностяхѣ. Святѣйшее между оными должно состоять вѣ поспѣшествованіи щастія твоего Короля и твоей дочери — Я сказалѣ вмѣсто Короля, твоего друга, естьлибѣ неизвѣстный Елихѣ не похитилѣ у Монарха твоего сего имяни. Вѣ три дни отдай мнѣ Цуликину руку, или, упорствуя одержать свое слово, готовся сочетать дочь твою сѣ бездушнымѣ тѣломѣ моего недостойнаго совмѣстника.

По семѣ отворотился онѣ прочь отѣ Сагеба, который оставилѣ дворецѣ сѣ горестію, каковая извѣстна только великодушнымѣ и преизящнымѣ сердцамѣ, понуреннымѣ дерзкою неблагодарностію,

вѣ

въ которой нѣтъ и того облегченія, хотя бы укорить себя въ причинѣ заслуженія оныя. Какъ между тѣмъ просвѣщенный и твердый разумъ Сагебовъ, не дозволялъ доступа никакому легкомыслію чувствъ и намѣреній, кои толь общи большей части человѣковъ, и не давалъ имъ бросать себя, подобно волнамъ корабль безъ кормила; то не премѣнилъ онъ перваго предопредѣленія о нравѣ Цериро́вомъ. Онъ видѣлъ еще въ сердцѣ Государя сего сѣмяна всякихъ добродѣтелей; но оныя были заросши терніемъ страстей толь густо, что требовалось искусной руки, исторгнуть вредныя сіи растѣнія. Сей помыслъ возвратилъ его на прошедшее. Онъ укорилъ себя, что не уменшилъ гласъ разительныхъ выговоровъ и представленій, умалчивая, что праведный Министръ не имѣетъ труднѣйшей у своего Государя работы, когда долженъ усладить естественную горечь истинны. По сему вознамѣрился онъ испытать силу уговоровъ, прежде принесенія Принцессѣ Цаблестанской толь жестокой вѣдомости. Въ намѣреніиономъ больше укрѣпился онъ, узнавъ, что Елихъ дѣйствительно посаженъ Цериромъ въ темницу, и опасаясь, чтобъ оный въ первомъ жару

его

его бунтующихъ страстей не былъ жертвою страшныхъ его угрозъ.

Естьлибъ добрыя намѣренія Везиря имѣли дѣло только съ горячимъ Церировымъ сложеніемъ, можетъ бы достигли оныя своей мѣты; но по нещастію долженствовало имъ сражаться съ лукавою злобою, каковую, какъ довольно извѣстно, можетъ въ способное время употребить злый совѣтникъ.

Ни въ какомъ случаѣ, не нужна такъ человѣку подпора повѣреннаго, какъ во время ратованія его противу разума, истинны и правосудія. Праведный приводитъ умъ въ состояніе, сносить самому бремя мыслей своихъ подъ твердою тягостію скорьби. Преступленіе обезсиливаетъ сердце замѣшательствомъ, подобно принуждаетъ его въ само себя возвратиться, и наконецъ искать посторонней помощи, для полученія своей крѣпости. Равно Церииръ едва только повелѣлъ вѣрному своему другу, удалиться съ глазъ, послалъ по ложнаго друга пріобрѣтеннаго неосторожно безразсудствомъ.

Мелекъ получилъ ожидаемое повелѣніе съ восхищеніемъ. Онъ въ дверяхъ дворца осторожнымъ окомъ наблюдалъ все происходящее, и изъ безпокойнаго лица

Са-

Сагебова выводилъ благосклонное для себя предзнаменованіе.

Коль ни пріуготовленъ онъ былъ къ тому, но добродѣтелію Сагеба тронутъ былъ изумленіемъ и принужденнымъ почитаніемъ; но вскорѣ отдохнулъ отъ сего перваго движенія, приписывать великодушное заключеніе Везиря безстыдной гордости и несносному упрямству, и говорилъ толь пространно о опасномъ преступленіи подданнаго, который противится волѣ своего Монарха, что совсѣмъ замѣшалъ тѣмъ разумъ Цериповъ, и выдавилъ отъ него приказъ, окружить жилище Сагебово отборною стражею, и Везирю возвѣстить, что не ему, ни домашнимъ его не позволено выступать изъ сихъ запертыхъ стѣнъ, по коль вручится Цулика объятіямъ ея царствующаго любовника.

Послѣ того, какъ Мелекъ утвердилъ таковымъ образомъ основаніе злаго своего расположенія, что бы не опровергла оное мочная рука добродѣтели, считалъ онъ за нужное Сагеба, коего увѣщаній уже не опасался, укрѣпить въ его великодушіи; ибо отъ сего ожидалъ добрыхъ послѣдствъ своимъ намѣреніямъ.

Съ довольно притворнымъ принужденіемъ возвѣстилъ онъ нещастному Везирю, возложенное на него исполненіе, и открылъ ему притомъ предпріятіе, оказать всѣ добрыя услуги сторонѣ справедливой, кои только не былибъ препоною собственныя безопасности; и слѣдственно выдумать средства Елиха свободить, и угнѣтенному дому дать способъ, оставить Королевство Карецмское.

Хотя всѣ таковыя каварства были избыточны; хотя великой душѣ Сагебовой ненуженъ былъ якорь къ твердому стоянію въ морѣ безпокойствъ: однако Мелеково предложеніе принято съ благодарностію; ибо лукавый придворный много пріобрѣлъ въ сердцѣ, наклоненномъ о каждомъ добро думать, чрезъ ревность оказанную къ спасенію чести Цуликиной.

Между мрачными закоулками, по коимъ неусыпный Мелекъ долженствовалъ красться къ обиталищу честолюбія, ложно блестящему, не меньше заботился онъ, каковыя шаги надлежало ему имѣть въ разсужденіи Перизады. Онъ столькожъ боялся Принцессы сея какъ и Сагеба, и не сумнѣвался, что оная пріиметъ сего сторону, коль скоро красота ее утвердитъ право свое на сердце Церирово. Для

сего страха берегся онъ напомянуть имя ее предъ обезумленныхъ Государемъ; и любовь его къ Цуликѣ поддерживалъ въ безпрестанномъ упоеніи, оставляя времени извлеченіе его изъ сего Лавиринѳа затрудненій.

Въ томъ, какъ сей мнилъ себя быть властелиномъ будущихъ произшествій, Перизадины кроткія и печальныя воздыханія, Ангеломъ защитникомъ безпорочныя невинности вознесенныя на небо, простерли оттуду на его и Церирову главу заслуженный ими бичь, и доставили ей утѣшеніе въ великодушномъ дружествѣ.

Когда молва и любопоношеніе распространяютъ погрѣшности великихъ мужей, усугубляютъ при томъ скорость свою и помраченіе; гласы таковые достигли жилища, въ коемъ Прицесса Диіемская желала быть погребенна въ забвеніи, и разрушили покой ея явными Церира обвиненіями.

Любви достойная Ситара брала въ судьбѣ сего неразсуднаго Монарха нѣжнѣйшее участіе, чтобъ могла безъ ужаса снести помышленія о висящемъ надъ главою его бѣдствіи, и преизящное сердце ея еще болѣе тронуто было несправедливостію его къ Перизадѣ. Она сравнила

со-

состоянie свое съ совмѣстницыным, коея щастiю многократно завидовала, и нашла свое безконечно сноснѣйшим. Она отторжена отъ родителя своего человѣкомъ преступнымъ и ненавистнымъ; но сей родитель ее не явилъ къ ней отцовской нѣжности. Перизада напротивъ оставила милосердаго достойнаго отца, чтобы соединиться съ великимъ и возлюбленнымъ владѣтелемъ, котораго нашла подла и вѣроломна. Ея пламенная страсть къ Цериру обрѣла непроницаемый ледъ равнодушiя; но мученiя несоотвѣтственной любви отнюдь не толь болѣзненны, какъ глубокая язва, произаемая въ чувствительномъ сердцѣ непостоянствомъ.

Таковыя разсужденiя, которыя могли бы утѣшить умъ менѣе великодушный, нежели Ситаринъ, были ей новымъ бременемъ горести. И такъ приняла она иройственное вознамѣренiе, жертвовать покоемъ жизни своей, чтобы сообщить Перизадѣ муро утѣшенiя, и естьли возможно, избавить Церира отъ золъ, его окружающихъ. Вѣроломный Мелекъ не оставилъ донесть Принцессѣ Цаблестанской жестокую вѣсть о Цeрировомъ непостоянствѣ, и умножить оную всѣми

обстоятельствами, каковыя только могутъ нѣжное растѣніе наклонить подъ косу смерти, какъ любви достойная Ситара появилась, подобно посланницѣ съ небесъ, ко удержанію потока, наводнившаго ее уныніемъ. Твердость ея уже поколебалась отъ таковаго сильнаго удара; хотя она его и предвидѣла, нашедъ себя невольницею въ томъ мѣстѣ, гдѣ ожидала царствовать: ибо надежды любовныя никогда не облегчаютъ скорбь извѣстную. Къ тому же присоединялось нечаянное ея оставленіе Сагебомъ, понеже и сіе сердце, подобное Перизадину, долженствовало исполнить добродѣтельнаго негодованія.

Ситара уменьшила сіе послѣднее болѣзненное помышленіе. Она увѣдомила ее о великодушіи Везиря, и мздѣ, кою воспріялъ за то чрезъ лесть Мелекову; ибо дѣянія Королей выставлены предъ столь множественныя бдящія взоры, что недолго остаются подъ покрываломъ молчанія.

Принцесса Дилемская разсказала Перизадѣ нещастное приключеніе свое съ благороднымъ чистосердіемъ. Она не скрыла отъ ней чувствованій своихъ къ Цериру, и увѣнчала великодушіе сея повѣренности объясненіемъ, что она немедлѣнно послѣдуетъ въ Цамакшаръ, и свѣтомъ истин-

ны

ны и разума раздѣлитъ мрачность, въ которой злость Мелекова отъ природы праведнаго и добраго, только пылкаго въ страстяхъ своихъ, Государя скрываетъ.

Перизада при повѣствованіи Ситары разныя испытала чувствованія. Она трепетала отъ страшной судьбы Принцессы, которыя красота, заслуги и мудрость въ любви, толико достойны были почтенія и удивленія, и сожалѣла о печальномъ ея состояніи. Скорбь ея уменшилась на нѣсколько чрезъ отданную сею Цериру похвалу, и страстную его любовь къ ней; но когда Принцесса Дилемская старалась ободрить надежды, кои уповала, что произвела въ груди ея, и говорила о своемъ отъѣздѣ, тогда схватила она ее въ свои объятія, и съ пролитіемъ слезъ вопіяла:

О ты, коея намѣренія толико возвышены надъ слабостями смертныхъ, что я почти сумнѣваюсь, не небесное ли ты существо! не оставляй меня окруженну отчаяніемъ. Да не обманется преизящное сердце твое лестнымъ прозерцаніемъ, ласкательствующимъ несравненнымъ твоимъ доброшамъ. Неколеблемая моя къ Цериру склонность не оставляетъ мѣста ни малому сумнѣнію о истиннѣ

сказаннаго тобою въ похвалу его; но я въ возвышенномъ моемъ почтеніи къ нему простираюсь еще тебя далѣе, теряя тѣнь надежды, кою ты тщетно обьемлешь. Словомъ: я жалуюсь на злохотнаго дива (*) въ моемъ злощастіи: ибо помыслъ, въ которомъ мое воображенное лице могло бы противу стать твоимъ прелестямъ и добродѣтелямъ, долженъ только сверьхъестственною судьбою принудиться къ непостоянству. Престань потому стремиться къ невозможности; научи меня твоей умѣренности, твоему сладкому терпѣнію, подкрѣпи мой слабый разумъ. Твой нѣжный слухъ не долженъ уязвиться суровымъ звономъ чувственности къ общему нашему любовнику. Никогда не возглашу я о мщеніи божіемъ или человѣческомъ на владѣтеля, которому отдано мое сердце, и обязана моя вѣрность. Безъ роптанія останусь я въ стѣнахъ сего замка, который мнѣ сноснѣйшее заточеніе, нежели будетъ цѣлый пространный свѣтъ, естьли отлучусь отъ него; ибо я уповаю вѣчно жить близъ моего возлюбленнаго. Да будетъ здѣланъ гробъ мой въ землѣ травы, оро-

(*) *Дивы считаются за родъ злыхъ духовъ.*

орошенной моими тайными и боязненными слезами. Проводи душу мою словами мира изъ нещастнаго ея пребывалища въ обитель вѣчныя радости. Тамо испрошу я тебѣ награду, надлежащую невинности твоей и смиренію.

Ситара не намѣрена была противиться бури праведнаго сѣтованія, преклонила чело покоренія предъ всемощнымъ престоломъ, отъ коего низходятъ на землю печали и утѣшенія, и ласкала себѣ, что можетъ быть пошлется отрада новая ея подругѣ.

Никакое дружество не бываетъ толь живо, нѣжно и продолжительно, какъ производимое съ сходностьми добродѣтелей. Зависть и ревность не могутъ участвовать въ семъ освященномъ союзѣ, понеже оно препятствуетъ мѣстничеству о заслугахъ или красотѣ, и самому подозрѣнію, толь часто вливаемому совмѣстничествомъ въ любви.

Какъ Принцессы соединили таковымъ образомъ свои возвышенныя души: то возъимѣли взаимно сію совершенную довѣренность, каковую только время можетъ приводить въ созрѣніе, сіе изліяніе сердца, кое въ щастливомъ состояніи толико увеселительно, и въ печальномъ

утѣшно. Но хотя сіе сладкое сообщеніе мыслей иногда удерживаетъ токъ скорбей; но не можетъ быть инако, чтобъ не продолжалъ оный теченіе свое съ сугубымъ рвеніемъ, до коль не изсохнетъ его источникъ. Такъ можетъ чувствуетъ уязвленная серна ослабленіе отъ употребляемыхъ ею цѣлебныхъ травъ; но не исцѣляется совсѣмъ, до коль стрѣла жестокаго ловца дѣйствіемъ сильнаго Диптама изпадетъ изъ кровоточной ея груди.

Ситара довольно была доказана въ сей истиннѣ, видя избраннѣйшій кринъ цвѣтущій въ садахъ красоты, увядающій въ прелестномъ его корени. Она употребила по тому изъ полей нѣжности оружіе заклинаній, дабы Перизадино несогласіе на ея предпріятіе побѣдить, здѣлавъ копіемъ уговореній опытъ въ твердое Цефирово сердце; но чувствительная и многонещастная Принцесса трепетала отъ сего покушенія, которое предубѣжденнаго Монарха можетъ предать болѣзненнымъ сраженіямъ, и можетъ быть рѣшится къ собственному ея замѣшательству.

Мнѣніе, коимъ объемлются слабомыслящіе и порочные умы, по которому невидимымъ и злымъ существамъ присвояется нѣкоторая власть, было доволь-

но безбожно, чтобъ возмогло поколебать основательную силу опредѣленія въ Перизадѣ, и быть принято чистымъ ея сердцемъ. Она опровергала оное, яко заблужденіе разсыпаннаго своего разума и омраченія любовнаго. Она признавала, что возвышенное правосудіе не можетъ дозволить, чтобъ возбуждались съ силою своей злобы, кои предъ страшнымъ его судилищемъ воздадутъ отчетъ въ томъ. Она находила многія причины извинять Церира съ сожалѣніемъ, и еще множайшія, для коихъ не хотѣла разлучиться отъ возлюбленной своей другини, доколь Ситара не обратилась къ суровымъ и незаслуженнымъ гоненіямъ, которыя преизящный Везирь терпѣлъ за нее, и оружіемъ великодушія получила ее согласіе.

Во время, когда дружество простирало крылья ревностнаго усердія, раздѣлить густый облакъ коварнаго ласкательства и измѣнническихъ совѣтовъ, запуталась неосторожная злоба въ собственныя свои сѣти. Съ не многихъ дней, кои назначилъ Церирь Сагебу къ рѣшительному отвѣту, прошло уже довольное время, и хотя Мелеково ухищреніе содержало страсть его къ Цуликѣ въ безпрестанномъ жару; но честолюбивый придвор-

ный, который былъ болѣе предпріимчивъ, чѣмъ искусенъ, не довелъ еще дѣла къ развязкѣ; поелику самъ не придумалъ, что наилучше избрать ему.

Въ его состояло власти, облегчить Сагебу бѣгство; но никакое удаленіе не есть защита подлой трусости Лютый нравъ его лучше желалъ бы совсѣмъ истребить съ свѣта Везиря сего; но не согласовалось то съ его намѣреніями, и успокоялось стремленіемъ Цлрировымъ, который безпрестанно возобновлялъ свои угрозы, но немогъ принудить себя къ толь строгому поступку, противному добротѣ его сердца.

Мелекъ взиралъ на мгновеніе, которое свободитъ его отъ Сагеба, и слѣдственно отъ Цулики, какъ на часъ, въ который Перизада достигнетъ опять Цлрировой склонности, и возвратитъ его по прежнему добродѣтели. Съ нимъ было подобно, какъ съ кормчимъ, коего корабль носится между двухъ опасныхъ горъ, и коему не достаетъ ни искуства, ни мужества; почему оный, вмѣсто чтобъ осмѣлившись продолжать путь свой, бродитъ въ страшномъ проливѣ, и предлежитъ опасности, нечаянным валомъ волнъ быть брошену на камень и разбиту.

Въ сей нерѣшимости распростеръ онъ мрачныя сѣти, въ которыхъ истинна и клевета весьма искусно вмѣстѣ были сотканы. Одинъ достойный его посланный, отправленъ былъ съ симъ бѣдственнымъ орудіемъ отчаянія, запутать во оное Перизаду; но тщетно ожидалъ онъ боязненно извѣстія о слѣдствѣ, и положился на тѣ, коими онъ окруженъ былъ. Вся власть его, коварство и обѣщанія, меньше дѣйствовали на простыя и неповрежденныя души, какъ обворожающая пріятность и отмѣнная печаль нещастной Принцессы.

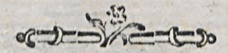
По сему онъ къ настоящему побудительному основанію, для чего Ситара въ сіе бѣдственное время ко Двору явилась, не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ еще радовался тому, и льстилъ себѣ, что оная Принцесса, которыя склонность къ Цериру изъ прежняго попеченія о немъ въ часы опасности была вещь всѣмъ извѣстна, будетъ просить его помощи къ произведенію своего намѣренія, истребитъ обѣихъ совмѣстницъ изъ сердца, могущаго скучить препятствіями и неизвѣстностію, и таковое намѣреніе ухватилъ онъ яко надежднѣйшее.

При видѣ Ситары лучь радости оживилъ блѣдное и увядшее лице нещастнаго

наго Монарха. Изъ его толь долго гнѣвомъ пылавшихъ, и послѣ угаснувшихъ печалію очей, простерся спокойный лучь радости и благодарности; и хотя онъ въ то мгновеніе укорялъ себя втайнѣ любовію своею къ Цуликѣ, какъ неоправдаемою несправедливостію къ Принцессѣ Дилемской; но стыдъ вскорѣ побѣжденъ удовольствіемъ, что нашелъ совсѣмъ себѣ подверженное сердце, коему ужасъ мыслей своихъ безопасно ввѣрить могъ.

Естьли бы Ситара и намѣрена была, употребить противу Церира оружіе укоризнъ: то состояніе его исторгло бы у ней сіе опасное средство; ибо движенія души ея и самый кроткій гласъ склонности привела въ недѣяніе. Обязательное ея безпокойство ободрило пристыженнаго Государя. Онъ открылъ уста чистосердечія, и разсказалъ ей свою нещастную любовь, и слѣдствія оныя съ горячностію, съ каждымъ словомъ умножающеюся. Такъ прибавляетъ желѣзо въ кузницѣ раскаленіе свое съ каждою искрою, кою выбиваетъ молотъ изъ твердыхъ боковъ его.

Сожалительная Ситара слушала его, не прерывая, поколь воздыханія и слезы ея охладили воспаленную его душу, и разто-

топили укрѣпившуюся скорбь его. Наконецъ сказала она:

Не мнѣ, Государь! прилично сражаться съ силою страсти, которая, какъ я опасаюсь, есть толико непреоборима, какъ ты утверждаешь. Всего меньше дозволяется мнѣ, укорять твое поведенiе; но позволь одно только возраженiе, которое пристойно моему полу и моей ревности къ твоей славѣ.

Когда нещастная Ситара въ первые предстала твоему высокому присутствiю, когда лице ея покрыто было стыдомъ, распростертымъ на ней отъ человѣка безбожнаго, когда она къ стопамъ твоимъ отослана родителемъ, твоимъ непримиримымъ непрiятелемъ: не воздвигъ ли ты ее изъ праха замѣшательствѣ, изрѣченiями гласа благоволенiй? Не позабылъ ли ты собственную скорьбь свою, чтобы успокоить ее? Не нашелъ ли ты ей мѣста въ твоемъ дружествѣ, хотя сердце твое тогда наполненно было истинною и благо основанною радостiю? Не уже ли источникъ сожалѣнiя и милости въ великодушномъ сердцѣ твоемъ толико исчерпанъ, что не можешь ты сообщить каплю онаго прекраснѣйшей и нещастнѣйшей Принцессѣ Перизадѣ?

Она не странница, не дочь врага твоего, прибѣгающая къ сожалѣнію твоему въ нещастіи, которому ты самъ причиною. Она Принцесса, которыя въ родителѣ обрѣлъ ты славный образецъ твоей храбрости, коя на справедливость твою имѣла право, когда ожидала любви твоей. Ты искалъ ее въ странѣ отдаленной, и днесь, когда она по усильнымъ моленіямъ твоимъ, надѣющаяся на вѣрность твою, спѣшила въ твои объятія, находитъ себя какъ невольницу въ твоемъ государствѣ, отъ тебя оставленную, и призираемую твоими льстецами.

О! естьли бы ты видѣлъ хотя единую каплю чистыхъ токовъ, кои, подобно рѣкамъ, проливаются изъ любви достойныхъ очей ея: безсумнѣнно увѣрена я, что всѣ прелести Цуликины, которыхъ ни мало уменьшать не думаю, не тронули бы такъ твое сердце, какъ сіи слезы, сей драгоцѣнный ужасъ души истинно чувствительныя и невинныя. Да, Государь, сія дѣйствительная Пери красотою и совершенствами, любитъ тебя возвышенною склонностію, которыя желаетъ, равно какъ провождаемаго высочайшимъ благополучіемъ дарованія, и яко дара, который можетъ сообщить возлю-

блен-

бленному предмету. Ты былъ бы восхищенъ симъ благороднымъ желанiемъ, и коль мало ты предвидишь мученiй, коихъ оно будетъ тебѣ стоить. Въ самомъ дѣлѣ, Государь! ты долженъ сему неоцѣненному сокровищу дать мѣсто въ своемъ сердцѣ, или возвратить оное въ первоначальную его сокровищницу, и потерпѣть чрезъ то убытокъ, коего никогда не загладишь.

О моя вѣрная, моя любви достойная другиня! вскричалъ Церирь въ невыражаемомъ движенiи, ты только, одна ты только, могущая вести утомленные стопы мои чрезъ сiю гору безпокойствъ и затрудненiй; но имѣй жалость съ моею слабостiю. Хотя ты очаровательный образъ, который моя вообразительная сила начертала о Перизадѣ, возобновляешь въ душѣ моей толь живо; но Цулика еще владѣетъ въ моемъ сердцѣ. Не усиляйся, чтобы одолѣлъ я непобѣдимую страсть, и располагай всемъ, что ни есть въ моей власти.

Надѣешся ли ты, что полъ моего Королевства, что всѣ мои сокровища приняты будутъ во удовлѣтворенie Принцессою Цаблестанскою. Предложи оныя ей, и я съ радостiю отдамъ. Естьли она по-

пожелаетъ возвратиться къ своему родителю: учреди ей великолѣпнѣйшее провожденіе, ороси, естьли можно, праведный гнѣвъ ея потоками умиленія, изсуши слезы ея рукою дружелюбія; но не забудь для всего онаго меня совсѣмъ. Невинность провождаетъ стопы ея, и простираетъ балсамъ утѣшенія окрестъ ея; во мнѣжъ совѣсть умножаетъ скорбь и замѣшательство. Наинещастнѣйшіе, имѣютъ истинное участіе въ великодушномъ твоемъ состраданіи.

Первая обязанность, возлагаемая на меня драгоцѣнною сею довѣренностію, отвѣтствовала Ситара, состоитъ въ томъ, чтобъ помогла я тебѣ возвратиться къ добродѣтели. Какое ни имѣла бы послѣдство любовь твоя къ Цуликѣ, довольно, когда ты вступишь на путь должности, ведущій тебя къ Прицессѣ Цаблестанской, то помышленіе о начатіи праведнаго дѣла, распространитъ миръ въ чувствахъ твоихъ. Я препровожду тебя по трудному пути удовлѣтворенія; ибо когда ты есть нападатель: то честь и пристойность требуютъ, чтобъ твои уста просили прощенія, и предлагали средства къ заглажденію оказанной несправедливости.

Мо-

Можешь ли ты думать, сказалъ Церирь, чтобъ въ силахъ былъ я предстать очамъ ея, воспаленнымъ праведнымъ гнѣвомъ? Могу ли я къ прежнему моему преступленію приложить новое поруганіе, видѣть прелести, которыхъ обладаніе ужѣ оставить долженъ?

Нѣтъ, отвѣтствовала Ситара; состояніе ея разрѣшаетъ ее отъ закона, предстать безъ покрывала предъ Монархомъ страны, и скромность ея солнце красоты ея безъ принужденія явитъ очамъ твоимъ, когда она конечно прекратитъ свои бѣдствія, и воспалитъ твое сердце своими лучами.

Но что скажу я въ мое оправданіе? спросилъ Церирь. Какое красноречіе удобно снять на себя подобный трудъ.

Твое собственное, говорила Ситара. Сердце Перизадино не будетъ противу того непоколебимѣе моего; они оба оживляются равными чувствованіями.

Сказавъ слова сіи, коихъ неосторожность поздно примѣтила, прекрасное лице ея покрылось стыдливостію, коея розовый цвѣтъ еще возвысилъ во объятіяхъ Церировыхъ, который схватилъ ее съ братнимъ чувствованіемъ благодарности, и награждалъ тѣмъ великодушное

ея сердце, обѣщая ей чрезъ два дни послѣдовать въ замокъ, или лучше сказать, въ заточенїе Перизадино, и скрыть путь сей отъ Мелека.

Ситара по опытамъ вѣдающая, что раны любовныя чрезъ растравляющїя средства строгости воспаляются, а не исцѣляются, получила чрезъ сей умѣренной способъ то, чему онъ толь ревностно противился въ премудрости Сагебовой, коего имя она разумно упоминать остерегалась, поелику судьба его зависѣла отъ Перизадиной.

Когда неутѣшная Принцесса Цаблестанская увидѣла въ чертахъ другини своей щастливый успѣхъ, слабый лучь надежды уяснилъ печальное сердце ея; но когда услышала, что все ожиданїя Ситарины утверждены на сильномъ дѣйствїи, кои прелести обхожденїя и изящный видъ ея имѣли на Церира, то погрузилась она опять въ пропасть своего унынїя.

Между тѣмъ склонилась она на учиненїе опыта, но съ благороднымъ возамѣренїемъ, когда не произойдетъ по желанїю, освободить Церира отъ обѣщанныя вѣрности, и просить его только о освобожденїи Сагеба, и поспѣшествовать онаго щастїю, чтобъ возвесть Цулику на

тотъ

тотъ престолъ, съ коего она ею толь несправедливымъ образомъ свержена.

Великолѣпный и пріятный лѣсокъ, украшающій садъ замка, и коего высокія древеса достигали облаковъ, имѣлъ слабое подобіе съ сѣнію правды, въ которой Церирь въ первыя увидѣлъ Перизаду. Драгое воспоминаніе сего часто приводило печальную Принцессу въ сіе очарованное мѣсто. Она научила многочисленное стадо птичекъ, во ономъ обитающихъ, повторять ея жалобы; она научила все воздыхать съ собою: ибо благовонныя древеса пріемля отъ ея воздыханій новый пріятный паръ, въ знакъ благодарности приклоняли свои оживленныя вѣтви. Сіе мѣсто избрала Ситара къ новому позорищу любви, къ престолу возобновительнаго соединенія и радости. Она уговорила Перизаду, принять тамъ непостояннаго Монарха, и надѣть таковоежъ платье, какое носила въ Лавиринѳѣ, и согласная Принцесса удалилась во оное въ день назначенный къ свиданію. Трепещущее тѣло ея было поддерживаемо дружественною рукою Ситары, и движеніе сердца ея, которыхъ изображеніе перо смущаетъ, и превосходитъ всѣ уподобленія, можно только тѣми быть пони-

нимаемо, кои чрезвычайное смятеніе таковаго состоянія извѣдали собственными опытами.

Церирѣ пришелѣ, хотя вооруженный своею бѣшеною страстію кѣ Цуликѣ, но не могѣ перваго божества души своей, представшаго ему вѣ томѣ самомѣ видѣ, вѣ каковомѣ онѣ почиталѣ его толь долго, увидѣть, не почувствовавѣ восхищенія, припомянувшаго ему всѣ приключенія, со времяни разлуки случившіяся; но вскорѣ оныя загладившися вѣ его мысляхѣ, возвели его кѣ ненавистнымѣ настоящимѣ произшествіямѣ; что принудило его опустить до земли чело, пораженное замѣшательствомѣ и стыдомѣ: Одни воздыханія его простерлись вмѣсто словѣ извиняющихѣ и удовлѣтворяющихѣ кѣ слуху Перизадину, которая отвѣтствовала ему тѣмѣ же, но пронзительнѣйшимѣ гласомѣ. Чрезѣ что предопредѣлила сердце ево любви; чрезѣ то пришелѣ онѣ вѣ первый восторгѣ, и бросясь предѣ нею на колѣни, вскричалѣ:

Можешь ли ты, дщерь небесная! можешь ли ты простить казни достойному, бѣдному и раскаявающемуся Цериру? —— Сердце поистиннѣ заслуживаетѣ быть бѣдно, которое прощать

не можетъ, отвѣтствовала Перизада, когда и то не требуетъ прощенія, которое...

Больше не успѣла она выговорить; ибо въ оное мгновеніе послышанъ голосъ, жесточае ревущаго Сѣвернаго вѣтра, въ непогодливую зиму, возгласившій по воздуху слѣдующія страшныя слова:

Спасай, о Король! драгоцѣнную жизнь твою, толь постыдно предаемую отъ двухъ негодныхъ женщинъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Принцъ Цалцеръ окружитъ замокъ; мщеніе ведетъ его. Опустошеніе означаютъ направленныя стопы онаго къ измѣнницѣ сестрѣ своей, которая довольно вѣдала, что впадешь ты въ ея сѣти, и назначила потому тебя жертвою, имѣющею терпѣть заколеніе на олтарѣ гнѣва и гордости.

Гнѣвъ и ярость заступили въ Цeрировомъ сердцѣ мѣсто возвратившейся любви и раскаянія. Онъ бросилъ смертоносный взоръ василиска на Перизаду, и кричалъ:

Льстивая женщина! такъ то утверждаешь ты мнимое великодушіе послѣдняго твоего вѣроломнаго возглашенія; но я сіи коварныя слова обращу въ собственное на тебя проклятіе. Да, естьли ты имѣешь еще чувствованіе отъ предложен-

наго на тебя доноса, я здѣлаю, чтобъ в ужасѣ души твоей повторялись слова: Сердце по истиннѣ заслуживаетъ быть бѣдно, которое прощать не можетъ.

О моя Цулика, которую я толь нещастно оскорбить хотѣлъ, ты одна, ты заслуживаешь почитаніе, красотѣ надлежащее, когда оная возвышена чистосердечіемъ и невинностію.

Сказавъ сіе, послѣдовалъ онъ поспѣшно Мелеку, безпрестанно понуждающему его шествовать за нимъ. Онъ оставилъ Перизаду безчувственну на рукахъ Ситары, которыя сердце пронзенно было жестокою стрѣлою оклеветанія и толь злобныхъ укоризнъ.

Намъ должно изслѣдовать настоящія причины нападенія, бывшія неистовому Монарху толь неожидаемы, огорченнымъ подданнымъ его толь безпокойны, и добродѣтельной Принцессѣ Цаблестанской толь нещастны, въ самомъ ихъ отдаленномъ источникѣ; и сіи приключенія, кои перстъ судебъ вмѣшалъ въ связь временъ, и произвелъ изъ оныхъ толь пагубныя слѣдствія, развязать рукою истинны.

Подобно Океяну, когда вѣтры престанутъ безпокоить жидкое его зеркало, когда

когда облаки забудутъ жужжаніе свое, и непогода изтощитъ огненныя свои стрѣлы, преходящему тогда изъ страшнаго волнованія въ неколеблемую тишину, и въ своихъ неизмѣримыхъ берегахъ кажущемуся дремлющимъ: равенъ былъ Гистаспъ. Когда буря заботныя жизни успокоена стала кротчайшею тишиною, и пріятности престола перевѣсились въ безопасную забаву; опустился онъ въ нѣдра лѣности, и повода Царства своего дремотно пустилъ изъ ослабшихъ рукъ своихъ. Склонный къ чувственнымъ забавамъ, не бывъ порочнѣ, роскошенъ, но не женолюбивъ, не дѣятеленъ, но непразденъ, препровождалъ онъ теченіе года въ увеселеніяхъ и времяпровожденіяхъ, которыя наслѣднику цвѣтущаго имѣнія въ частномъ состояніи весьма бы приличествовали, но для сына Логоразвова и Царя Иранскаго были неудобны.

Вся Азія служила различнымъ его удовольствіямъ, и отдаленнѣйшія острова приносили свое, ко украшенію палатъ его работами великолѣпія. Галлереи во оныхъ казались отъ огненныхъ чертъ одушевленныя живописи стоящими въ пламени. Китай присылалъ свои чистѣйшія сосуды, къ пышности столовъ его. Индія

лишала своихъ слоновъ драгоцѣнныхъ зубовъ, для выкладыванія дверей его, и сердца горъ ея текли кровію, чтобъ снабдить его яхонтами. Собственныя берега морей обогощали его сіяющими дщерьми раковинъ, и города его украшали полы его художественными тканьями изъ работъ червей.

Не токмо дворецъ въ Гератѣ былъ приведенъ въ порядокъ къ принятію безсмертныхъ духовъ хранителей. По повелѣнію его воздвигъ главу новый городъ въ Парсистанѣ, и новый рай появился въ садахъ Истакшарскихъ. Художество и природа споровались, украшая сіе любезное позорище, натура снабжала художествы совершеннѣйшими дарами красотъ, и художествы дѣлали природу чрезъ точное подражаніе прелестямъ ея еще прекраснѣе.

Здѣсь были пространные ходы безпрестанною зеленью покрытыя, и бодрыя Антилопы [родъ звѣрей] прыгали по муравамъ. Рѣки были отведены изъ прежняго своего теченія, и вмѣсто чтобъ протекать пустынями, окропляли прелестнѣйшія цвѣты, кои текущему кристаллу сообщали пріятный запахъ.

Ти-

Гистаспъ разумѣлъ царство растѣній и звѣрей, отъ величественныя пальмы и великорослаго верблюда парда, до нѣжнаго жасмина и забавной обезьяны, и содержалъ оныхъ съ нѣжнымъ попеченіемъ въ своихъ оградахъ. Онъ зналъ даже и сіяющія звѣзды по имянно, и наблюдалъ ихъ съ своей мраморной башни, и часто провождалъ по нѣскольку часовъ, разсматривая вступленіе извѣстнаго свѣтила въ солнцѣ. Мудрецы и художники изобрѣтательнаго востока содержались щедро въ его Философскомъ уединеніи, и сообщали къ утѣшеніямъ пытливаго духа Монарха своего съ неизчерпаемыми перемѣнами свое собственное.

Любви достойная Кенаія не рѣдко брала участіе во оныхъ время-провожденіяхъ, но въ собственныхъ упражненіяхъ своего пола была она примѣчательнѣе своего супруга. Она предпочитала стараніе видѣть туберозы свои цвѣтущими, и кормить разноцвѣтныхъ попугаевъ своихъ Египетскимъ сахаромъ, работѣ наблюдать звѣзды, или разсматривать зданіе огромныхъ храмовъ, до рожденія Царевича, получившаго имя Асфендіара. Сей привлекъ къ себѣ ея матерьнюю нѣжность, наполнилъ грудь Гистаспа радостію, и

распространилъ общій лучь щастія на народъ его, который думалъ, что онъ уединенныя часы свои посвящаетъ ихъ благу, и возносилъ потому кадило молитвъ о его благоденствіи къ небесамъ.

Въ таковой прелестной перемѣнѣ удовольствъ и разсужденій, протекали не примѣтно царю Иранскому мѣсяцы. Присутствіе его въ Гератѣ дѣлало зиму меньше непріятною, и сѣни Истакшарскія прохлаждали жаръ лѣтній своими потоками, или благовонными своими застѣньми. Но хотя всѣ части царства его наполнены были очаровательныхъ красотъ; но отдаленныя провинціи отъ Ирана не имѣли для Гистаспа пріятностей, и никогда не удостоилъ онъ предѣловъ ихъ освѣтить величественными своими и благотворными лучами, которыми очи Монарха обязаны всему пространству областей его.

Пришелъ ли духъ его отъ недѣятельности жизни его въ ослабленіе? Думалъ ли онъ, что Монархъ можетъ просидѣть скрытый за облакомъ мрачности, дабы народъ, невидящій внѣшняго его вида, могъ изображать его въ помышленіи съ большими совершенствами, нежели смертный имѣть можетъ? Словомъ: имѣлъ ли онъ

къ поведенію своему каковыя нибудь обманчивыя причины или нѣтъ, но по крайней мѣрѣ Везирь его Гіамасбъ радовался въ тайнѣ, видя безпечность Государя, ввѣрившаго ему кормило великаго корабля въ правленіе, и предоставившаго потому оный возверженію на камень или отмель, и даже опасности полнаго сокрушенія.

Такъ какъ левъ Маценде ранскій, когда пастырь дремлетъ въ своемъ скрытомъ шалашѣ, свирѣпствуетъ во всю ночь посреди беззащитныхъ коровъ, коихъ плачевный вопль относится вѣтрами возстающими съ волнующагося Каспійскаго моря: подобно и Гіамасбъ. Онъ сорвалъ покрывало чистосердныя привязанности къ Государю своему съ своего сердца, и принялъ свойственный свой характиръ, начавъ жительми Ирана владѣть жезломъ угнѣтенія.

Честолюбіе его было толь же безпредѣльно, какъ Океянъ, воющій около бреговъ Мултанскихъ, и предметъ онаго былъ не меньше, какъ обладаніе множествомъ государствъ отъ сего окружаемыхъ. Онъ думалъ, когда онъ есть сынъ Каяхозру, завоевавшаго большую часть земель сихъ, и присоединивщаго оныя къ Царству Иранскому, то и престолъ надлежитъ

лежитЪ ему преимущественно предЪ сы-номЪ Логоразвовымъ, и сіе воображенное оскорбленіе лѣжало гноящееся вЪ его нѣдрахЪ.

Ночь послѣдовала ночи, и серебряный кругЪ луны совершалЪ свои перемѣны сЪ точною исправностію; но душа Тіамасбова была неперемѣняема, и малыя капли сна, которымЪ его неспокойныя мечты дозволяли упадать на его вѣжди, безпрестанно стрясаемы были сновидѣніями измѣны и бунта, и привидѣніями вышняго начальства, играющими вЪ его вообразительной силѣ, подобно какЪ роса сЪ гибкихЪ ветвей. Но цвѣтЪ его надеждЪ едва началЪ цвѣсть вЪ саду лукавыхЪ его предпріятій. ВидѣлЪ онЪ, что ГистаспЪ сидѣлЪ еще твердо на престолѣ вЪ сердцахЪ ревностныхЪ своихЪ подданныхЪ, и зналЪ, что доколь сіе освященное сѣдалище было безвредно, МонархЪ укрѣпленЪ на горѣ изЪ камня алмазнаго. КакЪ искусенЪ былЪ онЪ изслѣдывать всѣ страсти человѣческія, то не могло ему быть несвѣдомо, что грудь благоосованныя вѣрности твердѣйшая есть мрамора, и красныя капли, согрѣвающія сердца склонныя, драгоцѣннѣе ГосударямЪ сокровищЪ яхонтовыхЪ.

И

И такъ первый трудъ сего человѣка, столь же неблагодарнаго, сколь и хитраго, столь же лютаго, какъ и предпріимчиваго, былъ въ томъ, чтобъ благодѣтеля и Государя своего низвергнуть съ престола любви народныя. Но какъ можно привлечь къ себѣ склонность общественную, и Государя своего учинить ненавидимымъ; какъ одними тѣми хитростьми, кои обращалъ онъ къ опростанію престола государственнаго, приложить ко оному себѣ свободный путь? Сіе требовало искусства, коего ничто превосходить не могло кромѣ неблагодарности его и злобы.

На сей конецъ оказывалъ онъ себя къ львамъ ратнымъ, коихъ храбрость защищала столичный городъ, учтиво и низходительно, и орошалъ Ироевъ Хорозанскихъ цѣлыми потоками своей щедрости. Онъ принималъ противу земледѣльцовъ и художниковъ, коихъ грабилъ, для наполненія обширныхъ сундуковъ своихъ, видъ сожалѣнія, и когда что по часту было, издавалъ новый законъ, силою котораго отнималъ больше, нежели половину плодовъ безпорочныхъ трудовъ ихъ, то притворялся проливающимъ слёзы сострадания.

Какъ

Какъ первый ропотъ неудовольствія, подобно слабому жужжанію лѣтней мухи, дошелъ во уши Гистасповы: то осторожная мысль его нападенна была нечаяннымъ страхомъ, чтобъ болѣзненный отголосокъ сей не простерся въ полаты Гистасповы, и сей уединенный Государь мгновенно не оставилъ бы скрытныхъ угловъ, въ которыхъ водворился. И дабы Везирю подкрѣпить его въ настоящемъ уединеніи, вознамѣрился онъ оное ему отсовѣтывовать, понеже зналъ непокоривое упрямство его нрава; ибо упорливый нравъ подобится пню высокой пальмы, коя, естьли дать ей иное расположеніе, тѣмъ усильнѣе возвращается въ первое свое стояніе.

Въ слѣдствіе сихъ коварныхъ заключеній, наблюдалъ онъ благосклонный часъ, въ который Царь, подписывая свое всемогущее имя на государственныхъ бумагахъ, усталъ, и нетерпѣливно желалъ возвратиться въ свои уединенныя сѣни. Гиамасбъ примѣтя сіе, говорилъ ему гласомъ видоподобнаго усердія:

Хотя благоденствіе, подобно милостивой птицѣ райской, распростираетъ сѣнь крылъ своихъ надъ главою Гистаспа; хотя око злобы ослѣпляется лучами сла-

вы твоей; долго ли солнцу величества быть скрываему облаками уединенія, и сладкому току добродѣтелей застывать отъ недѣятельности? Не ужѐ ли ровнины Хорозанскія не имѣютъ прелестей для своего владѣтеля? Взирай! они жаждутъ быть попираемы твоими блистательными сандаліями, и жалуются, что ты расточаешь благосклонность свою къ лугамъ Истакшарскимъ.

Дозволь словамъ истинны вкорениться въ слухѣ примѣчательномъ; оставь твое уединенное жилище, распространись, какъ простираетъ весна радость и благополучіе окрестъ себя. Алмазъ есть царь драгихъ камней, но онъ не оказываетъ блистанія своего въ землѣ. Уясненныя острія стрѣлъ прямы и хороши, но не піютъ крови непріятельской, до коль излетятъ пущенныя изъ лука.

Что пріятнѣе мскуса Котенскаго? Но естьли останется оный всегда въ кошелькахъ продавцовъ, кого усладитъ запахъ его? Ахъ! какія имѣетъ Гіамасбъ отмѣнныя свойства, чтобъ Государь его возвысилъ къ кормилу цѣлаго государства? Хребетъ его приклоненъ подъ тяжкимъ бременемъ правленія; и сонъ, который прежде услаждалъ труды его, изчезъ

какъ

какъ легкій паръ отъ очей его. Для него бы лучше, искать уединенной сѣни, и жезлъ правленія вручить рукѣ, могущей употреблять оный съ довольною крѣпостію.

Между тѣмъ, какъ Везирь поддѣльный жемчугъ притворныхъ совѣтовъ низалъ на нитку лжи, перемѣнялись щеки Тисгасповы цвѣтами разныхъ страстей, и сердцу его мало уже было окружающей оное оттонки. На послѣдокъ сказалъ онъ съ негодующимъ взоромъ, который Тіамасбу не былъ ни не ожидаемъ, ни противенъ:

Тягостны ли тебѣ, неблагодарный человѣкъ! труды, соединенныя съ твоимъ званіемъ, и желаешь ты, облегчить бремя оныхъ, возложа оныя на меня? Увеселенія палатъ, каковы мои, не приличествуютъ для подданнаго, и труды и работы непристойныя спутники для Государей. Знай, что Тисгаспъ не заключаетъ намѣренія невлагаемаго премудростію, и не толь онъ слабъ, чтобъ откинуть то, что единожды изобралъ.

Не нарушай покоя моего никакими представленіями, и будь обнадеженъ, естьли гласъ неблагодарности еще разъ выразитъ мысли о лѣности, естьли цвѣ-

тущія сѣни Истакшарскія еще разъ оскорбятся дыханіемъ поношенія; огненный перунъ неудовольствія падетъ на главу твою.

Сверьхъ того не безпокой меня толь часто сими письмами и узаконеніями. Подписаніе мое либо не нужно, или можетъ происходитъ отъ силы знаменитости, коею тебя облѣкаю. Иди, заслуживай продолженіе моего дружества полнымъ подверженіемъ себя моей волѣ.

Гіамасбъ удалился съ подобострастнымъ молчаніемъ, и естьлибъ судить по его понуренному виду: то жалѣлъ онъ о своемъ проступкѣ; но сердце его радовалось о добрыхъ слѣдствіяхъ, и вымышляло новыя роды угнѣтенія подданнымъ отъ имяни ихъ Государя.

Каждый кустокъ травы, блестящей утреннею росою, каждый цвѣтокъ, который пламенный сосудъ свой разверзаетъ въ саду прилѣжанія, серебряное пшено и золотый шафранъ, самыя водоточныя трубы, понуждаемыя искусствомъ къ орошенію сихъ насажденій и понужденію оныхъ въ растѣніи; однимъ словомъ, не токмо избыточное, но и необходимо нужное въ жизни, долженствовало давать двѣ трети цѣны своей въ подати, и остальное едва достаточно было, принести

сти неусыпно труждающимся легкое защищенie отъ зимнихъ вѣтровъ и хладныхъ ночныхъ паровъ.

Гiамасбъ изобрѣлъ новыя уставы о наказанiяхъ, и велѣлъ ихъ собрать въ особливую книгу. Здѣсь распростерты оныя были подобно тенетамъ или самоловамъ звѣроловительскимъ, и подняты яко западни на истребленie подданныхъ; и кто преступалъ противу сихъ тайнохранимыхъ повелѣнiй, былъ осуждаемъ, невѣдая вины своей. Гiамасбъ подписывалъ нещастныя опредѣленiя имянемъ своего Государя, и стяжанie невинныхъ преступниковъ обиралось къ обогащенiю сокровищницъ Везирскихъ.

Сего еще было недовольно. Семьяниnъ, долговремянными странствованiями по морямъ и трудами рукъ своихъ доставившiй себѣ изрядное жилище, и украсившiй оное богатыми коврами Гилянскими, или фарфоромъ Пекинскимъ, былъ замѣчаемъ лазутчиками Гiамасбовыми, такъ какъ открываетъ проворная собака прыгающую козу или боязливаго зайца по одному запаху.

Естьли таковые люди мрачныхъ запрещенiй обманчивой книги еще не преступили: то къ кровавымъ симъ законамъ

намъ вписывались новыя учрежденія, которыя таковыя равнодушныя поступки, напредь жестоко запрещали.

Иногда составлялось уголовное преступленіе изъ того, естьли возложить остріе топора на негодное дерево; пустить стрѣлу въ грудь хищной птицы; пересаживать поутру въ садахъ кипарисы, и по захожденіи солнца собирать финики.

Отъ таковыхъ немилосердыхъ орудій власти никакая невинность не была безопасна. Освященныя комнаты каждаго дому, были обыскиваемы, подъ предлогомъ сокрытыхъ во оныхъ заповѣдныхъ сосудовъ, палаты богатыхъ и хижины бѣдныхъ, терпѣли равномѣрное нападеніе отъ нечувствительныхъ служителей своеобычной воли.

Симъ угнѣтеннымъ народамъ ниже того дозволялось, чтобъ уклониться сихъ строгостей, оставя свои работы и изгоняя себя своевольно изъ отечества. Ихъ возвращали силою на пашни ихъ и работы, въ которыхъ трудились они для недостаточнаго содержанія своего, и всѣ владѣльцы обработанныхъ полей въ ономъ пространномъ царствѣ были только невольники Везиря и войска.

Но Тіамасб былЪ прозорливѣе, чтобЪ допустилЪ стрѣлы всеобщія ненависти упасть на свою голову. Когда изЪ отдаленныхЪ странЪ приходили отряженные, просить помощи у престола милосердія: Везирь письма перехватывалЪ, говорилЪ сЪ посланными обходительно, и угощалЪ ихЪ сЪ изобиліемЪ. ОнЪ сострадалЪ о угнѣтеніяхЪ, подЪ коими они воздыхали, и подавалЪ надежду вЪ скоромЪ облегченіи; но притомЪ вразумлялЪ имЪ, что сіи налоги произходятЪ изЪ источника, который заперетъ онЪ еще не имѣетЪ силы.

Жизнь моя, прибавлялЪ онЪ кЪ тому, безЪ сумнѣнія пожрется гнѣву тиранства. Жертва, которая вЪ надлежащее время охотно принесется; но я заклинаю васЪ, будьте терпѣливы. Какая вамЪ прибыль, естьли лишитеся вы своего защитника, и вЪ наслѣдникѣ моемЪ, можетЪ не сыщете вы таковаго себѣ истиннаго друга.

СЪ словами оными отпускалЪ онЪ ихЪ, обЪятыхЪ его великодушіемЪ, окованныхЪ его краснорѣчіемЪ; но сЪ трудомЪ скрывали они ропотЪ негодованія противу мучителя, который толь любви достойнаго Принца, каковЪ Тіамасб, упо-

потребляль орудіемъ своей насильственной воли.

Такъ то запушывается бѣдность народа, коего Монархъ уклонясь внушенію собственныхъ склонностей, правило государственное вручаетъ рукѣ чуждой. Хотя его сердце и окружается толпою смѣшныхъ добродѣтелей; но лучшія его свойства чрезъ пронырства коварныхъ Министровъ ядовитѣе становятся для его подданныхъ, чѣмъ противуположенныя пороки; и когда чистый источникъ отравленъ, то вредоносное онаго изліяніе проливается на всѣ стороны.

Тиранство Цохака, отъ коего пороковъ вся природа въ ужасѣ каменѣла, не было толь угнѣтательно, и не произвело столько бѣдствъ, какъ спящее добросердечіе Гистаспово; и двѣ змѣи, которыхъ сей безбожный неправедный завоеватель кормилъ кровію своихъ подданныхъ, были не такъ обжорливы, какъ чудовище, которое сынъ Логоразвовъ питалъ воздыханіями мучимаго своего народа.

Но не довольно ему еще было, подавлять гражданскія вольности Иранцовъ. Въ колчанѣ злобы осталась еще стрѣла гораздо тончайшимъ напоенная ядомъ.

Вѣра Персовъ была столькожъ чиста въ первыя времяна, какъ потоки по лугамъ проливающiеся. Они имѣли мало обрядовъ; церковный порядокъ ихъ былъ простъ. Они взирали на лазурное небо, и блистающiя свѣтила оное укращающiя; они разсматривали землю и море, лѣса и проливы, вѣдая, что всѣ чудеса сiи сотворены отъ единаго существа безконечныя силы, такъ какъ увѣрены были при взглядѣ на палаты Каяхозру, что воздвигнуты оныя рукою зодчихъ. Сiя невидимая и вѣчная власть была единый предметъ ихъ обожанiя. Предъ нею преклоняли они колѣна богоговѣнiя, и въ храмѣ ея проливали благовонное возношенiе благодарныя хвалы.

Когда же безбожный Зороастръ распространилъ новое свое ученiе въ странѣ Парсѣ, чистота древняго богослуженiя вскорѣ повредилась, и быстротечно заразила сосѣдственныя земли. Подлость, склонная къ новизнамъ, приняла ученiе его съ прилѣжанiемъ, и Цендавеста прочитывалась нововѣрнымъ, яко книга божественая.

Беззаконный обманщикъ, неимѣющiй иныхъ намѣренiй, какъ увеличенiе свое, и чтобъ съ Деспотическою властiю

вла-

владѣть надъ тысячами сердецъ, въ теченіи сего удержанъ презрѣніемъ, коимъ встрѣтилъ Логоразвъ его ученіе, и запрещеніемъ, приближаться къ царскому своему престолу, обнародованнымъ для его сообщниковъ. По сему удалился онъ въ за́мокъ свой Іецдъ, гдѣ обманутыхъ жителей уговорилъ, создать огромный храмъ обожаемому огню.

Хотя сія бѣшенствующая легковѣрность снова распространилась, когда Логоразвъ оставилъ престолъ; но не была еще общая въ Иранѣ. Многіе Принцы свѣтлѣйшаго отродія, многіе Ирои испытанныя храбрости, многіе по премудрости своей почтенные мужи, и особливо бывшіе учениками преизящнаго Локмана, отвергали дерзкій обманъ, и совѣтовали согражданамъ своимъ уклоняться вреднаго еретичества.

Тіамасбъ давно уже̂ съ Зороастромъ имѣлъ переписку, и призналъ себя ревностнымъ его сообщникомъ, не для того что бы думалъ, что Цендавеста наполнена словами истинны, но за тѣмъ что сердце его не исповѣдывало вѣры, кромѣ честолюбія, и никакого не обожало божества какъ золото; почему при лести наружнаго служенія ничего онъ терять не

 могъ,

могъ, и надѣялся, что можетъ быть помощію сего обманщика доставитъ власти своей знатное приращеніе. Такъ тѣсно соединяются злоба противу человѣковъ, и безбожіе противу небесъ; ибо неимѣющіе благоволенія къ своимъ собратіямъ, не могутъ имѣть чувствованія благодарности или должности къ творцу своему.

Самъ Тистаспъ приклонилъ ухо примѣчанія къ ученію ложному; хотя совсѣмъ по инымъ намѣреніямъ, все конечно невиннымъ, но не отъ разума происходящимъ. Везирь его подалъ ему Цендавесту, украшенную золотомъ Голкондскимъ, и надушенную искусомъ Котенскимъ. Монархъ объятъ былъ возвышенною темнотою сочиненія, и хотя большая часть онаго была невразумительна; но считалъ оное, и можетъ не по другимъ причинамъ, за божественное.

Въ его юнѣйшее странствованіе по долинамъ страстей, позналъ онъ, что свѣтъ исполненъ бѣдности, несогласія и замѣшательства; но ни опыты, ни разсужденія не научили его, откуду происходитъ сей источникъ противностей. Почему онъ охотно принялъ ученіе о зломъ начальномъ существѣ, которое по превратности склонно помѣтать сѣмена порока въ серд-

ца человѣческія, и коего сила приводила оныя въ состояніе возращать жалостное сіе насажденіе, доколѣ принесетъ оно плоды погибели.

Онъ примѣтилъ, что все освѣщающее солнце сильнымъ своимъ вліяніемъ воззываетъ травы изъ зимняго усыпленія, и одѣваетъ ихъ свѣжимъ покровомъ изобильныя зелени; что жаръ его всему свѣту жизнь сообщаетъ, и всему сложенію природы доставляетъ силу. Сіе удобно привлекло его, покланяться оному небесному свѣтилу, и содержать неугасимый огнь на олтаряхъ суевѣрія.

Только совѣсти своего народа оставилъ онъ вольность, и хотя тѣла ихъ находились въ рабствѣ, но духи ихъ были свободны, какъ воздухъ, коимъ они дыхали; но Тіамасбово лукавство лишило ихъ и сего утѣшенія. Онъ уговорилъ своего оглушеннаго Государя, возвѣстить свои непреоборимыя повелѣнія, чтобъ въ каждой улицѣ Герата воздвигнуть храмъ огню изъ мраморныхъ столбовъ, и чтобъ всѣ жители столичнаго города внимали гласъ Зендавеста, чтобъ въ первый часъ, когда возвращающееся солнце каждое утро украшаетъ облаки небеснымъ золотомъ, отъ коварныхъ Деступовъ происходило пѣніе.

Тѣ, кои бывъ приводимы любовію къ истиннѣ, противились сему омерзѣнія достойному повелѣнію, повергались въ мрачныя темницы, поколь могли собрать достаточное сокровище къ заплатѣ требуемаго корыстолюбіемъ выкупа.

Учрежденія къ совершенной перемѣнѣ богослуженія, вскорѣ Іамасфомъ распространены по всемъ землямъ царства Иранскаго, и разосланы къ каждому начальнику страны провозвѣстники съ симъ обнародованіемъ, зачавъ отъ земель лежащихъ по брегамъ удаленнаго Каспійскаго моря до горъ, коихъ подошвы омываетъ многоустный Индъ рѣка.

Во время какъ ропотъ жалобъ съ холма къ холму разглашался по царству Иранскому, и растѣніе ненависти вкоренялось въ нѣдрахъ гонимыхъ его непріятелей, война съ Королемъ Дилемскимъ занимала Церирово примѣчаніе. Ужѣ кисть описанія на таблицѣ судебъ начертала причины войны сея и неистовство Монарха Карецмскаго. Онъ былъ въ крайности, въ которой желалъ отъ брата своего скорой помощи, и получилъ тогда несоглашеніе наполнившее сердце любящее огорченіемъ.

Днесь

Днесь проницаетъ лучь истинны въ тѣнь мрачную. Гистаспъ упокоенный въ глубокой слабости роскошей, столь же мало слышалъ жалобы своего народа, какъ радовалъ очи свои взоромъ на дружественное писмо брата, которымъ возлюбленный его Цериръ требовалъ его помощи. Осторожный Тiамасбъ перехватилъ писмо, яко прiятный случай, лишить Гистаспа любви братнiя, и написалъ суровый отвѣтъ перомъ злобныя невѣрности.

Напослѣдокъ возвратились скорые гонцы, пробѣжавшiе царство Иранское на коняхъ прилѣжанiя, и развезшiе приказы къ начальникамъ отдаленнѣйшихъ странъ, въ полаты Везирскiя, и ужасъ изображался въ лицахъ ихъ.

Страны готовы были къ возмущенiю. Нѣкоторые Сатрапы хотя страшный приказъ лобзали устами покорности, и обоженiе горящей стихiи учредили въ областяхъ своихъ; но сердца ихъ, болящiя уже прежними угнѣтенiями, не признавали страхомъ принужденнаго повиновенiя. Другiе при полученiи царскаго указа съ негодованiемъ явнымъ, вмѣсто повиновенiя оному, представили къ престолу Монаршему трогательнѣйшiя возраженiя.

А особливо храбрый РустемЪ, владѣющій плодоносными долинами Цаблестанскими, преимущественно предЪ прочими противился, подражать вЪ обширномЪ своемЪ владѣніи новымЪ установленіямЪ. Великодушная грудь его считала за малое, прибѣгать кЪ каковой либо власти кромѣ небесной, и для того не вошелЪ онЪ вЪ представленія, и сидѣлЪ сЪ извѣстнымЪ свѣту достоинствомЪ своимЪ на престолѣ, подкрѣпляемомЪ твердыми подпорами добродѣтели.

Тогда ТіамасбЪ увидѣлЪ приходящую вЪ созрѣніе вкореняемую имЪ злобу, и зналЪ, что ему не должно терять ни мгновенія вЪ праздности. Слѣдственно вознамѣрился онЪ возразительныя писмы СатраповЪ показать уединенному Монарху; но при томЪ рачительно старался перебрасывать листы, на которыхЪ изображены были страшнымЪ начертаніемЪ гоненія и лютости отЪ него происходящія. ОнЪ довольно вѣдалЪ, что Гистаспово сердце сильно пронется сожалѣніемЪ, при болѣзненномЪ описаніи насильствЪ его и утѣсненій, и воспрянетЪ изЪ своей нечувствительности, а притомЪ и увѣренЪ былЪ, что обманутый МонархЪ, предѣлы своей царской власти расширитЪ,

со-

соразмѣрно противуположеннымъ ему затрудненіямъ, до коль еще можно уговорить онаго, что не имѣютъ сіи на правы человѣческія варварскаго требованія. Какъ Тіамасбъ желалъ употребить въ пользу свою нещастное упрямство Государя, что бы тѣмъ найти защиту противу всякаго непредвиденнаго случая: то считалъ онъ принятіе вида ложнаго усердія необходимо нужнымъ; и сіе вѣроломное вознамѣреніе имѣло на него столькожъ сильное дѣйствіе, какъ и всѣ прочія коварства его.

Гордая непокорливость Густема ужаснула наиболѣе смятенныя мысли его. Не безъизвѣстна ему была непоколебимая храбрость сего Ироя, котораго славу молва распространила на блистательныхъ крылахъ своихъ, по всѣмъ предѣламъ обитаемаго земнаго шара; такъ же непобѣдимая твердость крѣпостей его, и отважность вѣрныхъ войскъ его не могли быть невѣдомы Министру, коего развѣдыватели разсыпаны были по всѣмъ частямъ государства. И такъ не оставалось ему средства кромѣ, стараться снискать дружество сего великодушнаго воина, открыть ему тайныя совѣщанія сердца своего, колико дозволитъ видъ приличности

сти о добрыхъ его намѣреніяхъ, и въ семъ дерзскомъ предпріятіи искать его вспоможенія.

Понеже никакому посланнику не можно было довѣрить таковаго важнаго дѣла; вознамѣрился Тіамасбъ своею особою посѣтить равнины Цаблестанскія, и разсыпать сѣмена измѣннических ъ происковъ во уши Рустемовы. Въ ономъ намѣреніи приближился онъ во внутреннія покои, и повергся предъ назначенною жертвою своего предательства.

Когда поднятъ онъ былъ рукою благоволенія, началъ онъ ухищренную рѣчь свою слѣдующими словами:

Лица противящихся повелѣніямъ главы своея, должны покрыться прахомъ замѣшательства. Дни ихъ должны протекать безъ утѣшенія, и ночи безъ успокоющаго сна. Долженъ ли Царь издавать повелѣнія, и народъ его не преклонять хребетъ повиновенія? Долженствуетъ ли знаменамъ упорства постановляться кромѣ на удоліяхъ дерзости? И однако, зри, о повелитель народовъ, зри бумаги, кои имѣетъ днесь рабъ твой въ рукѣ своей. Выслушай! но не допусти пламени гнѣва твоего въ страшное воспаленіе, чтобъ всеобщій пожаръ не опустошилъ свѣта.

Сат-

Сатрапы твои упоены безумїемъ, и дерзаютъ гласъ отягощенія вознести къ престолу твоему. Они презираютъ мольбы достойную стихїю, и противятся слушать божественный звонъ Цендавесты. Они поносятъ даже и другія твои поступки, и возвергаютъ покрывало пренебреженія на прелести добродѣтели. Прїими ихъ писанія, свѣтлѣйшій Монархъ, и увѣрь нѣдра свои о моей истиннѣ. Но да не ускоритъ рука строгости обложить ихъ казнїю, заслуживаемою чрезъ ихъ дерзость.

Князь Цаблестанскій есть предметомъ всегдашняго ихъ подражанія. Какъ возвышается Финиковое дерево между кустами пустынными, такъ является Рустемъ посреди начальниковъ Иранскихъ. Естьли прошеніе мое обрѣтетъ милость у моего Государя: то самъ я послѣдую въ жилище Ироя, повторить твой властный законъ, и нагнать страхъ въ сердце, непрїобыкшее трепетати. Прочїе послѣдуютъ примѣру его, и взволнованный Океанъ забоитъ, возстановится во всеобщей тишинѣ.

Гистаспъ видя отягощенія отъ своихъ подданныхъ воспаленъ былъ гнѣвомъ въ груди своей, и ярость раскалилась на ще-

щекахЪ его. Прежде не тщился онЪ ревностно о утвержденіи новаго закона; но днесь узнавЪ, что повелѣніямЪ его противятся, и волѣ его ослушны являются, заключилЪ вдругЪ повелѣнія свои сЪ крайнею жестокостію произвесть вЪ дѣйство; однакожЪ позволилЪ Тіамасбу снять трудЪ, лично увѣщать ратника Цаблестанскаго, и опредѣлилЪ вЪ отсутствіе сего Везиря правленіе государства препоручить самому Зороастру, и на сей конецЪ просить его оставить уединеніе свое вЪ Іецдѣ, и поспѣшить подкрѣпить совѣтами мудрости своей посвященнаго правому его ученію.

ВѣроломныйобманщикЪ, коему тайныя ковы Везиря давно были свѣдомы, приближился кЪ столичному городу вЪ великолѣпномЪ провожденіи, ѣдущій сквозь ряды обезумленныхЪ своихЪ соревнителей, кои раздирали воздухЪ восклицаніями, и лобзали землю, гдѣ касалися слѣды мнимаго пророка.

ОнЪ принятЪ отЪ Царя сЪ отмѣнною почестію, и ТіамасбЪ потомЪ, какЪ онЪ чаемаго своего учителя, который уже вЪ таинствахЪ несправедливаго правленія государствомЪ здѣлался его дѣйствительнымЪ ученикомЪ, во всемЪ наставилЪ, отправился

вился на Арабскихъ бѣгунахъ въ драгоцѣнныхъ носилкахъ, и направилъ путь свой къ горамъ Цаблестанскимъ.

Между тѣмъ Рустемъ въ своей старости увеселялся воспоминанiемъ прежнихъ дѣлъ своихъ, и вкушалъ благоденствiе, которое небо обѣщаетъ и даетъ всѣмъ, кои поспѣшествовали отечественному благу благодѣтельными подвигами въ своей юности.

Сей почтенный воинъ поощрялъ храбрыхъ сыновъ своихъ, подражать трудамъ отца своего, и разсказыванiемъ своихъ отважныхъ дѣянiй воспламенялъ юную грудь ихъ великодушнымъ жаромъ. Иногда бралъ онъ участiе въ ихъ воинскихъ навычкахъ, и былъ товарищемъ въ прiятныхъ ему играхъ сихъ. Рука его не потеряла прежней крѣпости, и онъ еще возмогалъ тяжкiй кусокъ мрамора, который его Принцы едва отторгали, безъ труда бросать предъ собою. Метальное копiе его ударяло въ мѣту съ таковою силою, что кромѣ его собственныя руки, никакая не могла выдернуть оное.

Такъ научались младые Ирои Цаблестанскiе послѣдовать добродѣтелямъ Рустемовымъ. Такъ подражаютъ львы, коихъ жадные когти необагрены еще

кровію странниковъ, темножелтому царю лѣсовъ, и взираютъ со удивленіемъ на тѣла нещастныхъ путешественниковъ, кои влачитъ отецъ ихъ въ мрачную свою пещеру.

Прекрасная Перизада, которыя добродѣтельный нравъ не проникалъ еще мрачнаго дѣйствія будущаго, увеселяла свое воображеніе начертаніемъ возлюбленнаго Церира; ибо тогда еще прибытіе Сагебово не наполнило грудь ея восхищеніемъ.

Братьямъ ея Парвицу и Цалцеру, не могла укрыться грусть, покрывшая чело ея со времяни возвращенія изъ Лавиринѳа. Они старались перемѣнными забавами облегчить уныніе ея. Они призывали искуснѣйшихъ лютнистовъ, для наигрыванія пріятныхъ тоновъ предъ ея гулбищами, и общество танцовщиковъ учредило по онымъ веселое плясаніе. Они дарили ей множество птицъ разноцвѣтныхъ перьевъ и сладкаго напѣва, и оба они старались на перерывъ, достать и возвратить ей пропавшаго малаго ея любимца.

Хотя Парвицъ любилъ сестру свою нѣжнѣйшею склонностію; но Цалцеръ былъ желательнѣе познать причину ея без-

безпокойства, и стараться отвратить оную. По ея прозьбамъ противился онъ желаніямъ различныхъ Принцовъ, приѣжавшихъ къ полученію во владѣніе толь любви достойнаго предмета, и уговорилъ родителя своего, учинить онымъ отказъ. Сіе приписывали любочестію, отъ котораго въ самомъ дѣлѣ молодый Принцъ не вовсе былъ свободенъ; но котораго одного не превышалъ покой возлюбленныя сестры его. Онъ лѣтами былъ къ ней ближае, и въ личныхъ прелестяхъ и въ заимномъ дружествѣ уподоблялись они двумъ кипарисамъ, насажденнымъ при истокѣ водъ, и орошаемымъ влажнымъ оныхъ кристалломъ.

Во время, какъ во дворцѣ Рустемовомъ упражнялся всякъ различнымъ образомъ, Гіамасбъ проѣзжалъ луга и долы, не помышляя кромѣ о обманѣ и предательствѣ. Онъ чаялъ себя ужè быть облеченна въ царскую порфиру, и въ вообраafженіи своемъ носилъ ужè корону Иранскую.

Крилѣ молвы принесли приближеніе его къ главному городу Цаблестана, и Рустемъ пріуготовлялся Везиря великомочнаго Монарха, и посла Государя, которому

торому долженъ былъ вѣрностiю, принять съ почтительнымъ торжествомъ.

На складномъ бѣгунѣ Хегiацкомъ, на коемъ уборъ былъ свѣтлоголубый съ набором изъ чистаго золота, подобно какъ сiяютъ звѣзды на голубомъ сводѣ безоблачнаго неба, въ препровожденiи цѣлаго войска копiеносцовъ и стрѣльцовъ, приближился Тiамасбъ ко дворцу. Онъ введенъ торжественно въ пространный залъ, украшенный не рукодѣлiемъ женъ, но трофеями старыхъ побѣдъ, и добычею съ покоренныхъ Ироевъ наполненный.

Тамо нашелъ онъ несравненнаго ратника, преподающаго сынамъ своимъ ученiе о добродѣтели; но усмотря Везиря, оставилъ онъ сiю высокую работу, и всталъ съ возвышеннаго сѣдалища своего. Онъ проводилъ почтеннаго своего гостя въ блистающiй чертогъ, и тамъ говорилъ съ нимъ дружественно о Тiамасбовомъ пути, о Гистасповой славѣ, и о красотахъ царства его. Потóмъ столъ гостепрiимства накрытъ пиршествомъ изобилiя, и прiятный нектаръ, тогда еще не воспрещенный Азiи, разливался въ глубокихъ вмѣстилищахъ, между краевъ художествомъ украшеннаго, и зеленью изумрудовъ и цвѣтами яхонтовъ осыпаннаго золота.

Прин-

Принцы Парвицъ и Цалцеръ, со всѣми Вельможами и дворянствомъ Цаблестанскимъ участвовали при семъ великолѣпномъ пиршествѣ, и неслышно было восклицанiй, кромѣ радостныхъ и торжественныхъ, по коль угасающiя свѣчи возвѣстили всѣмъ, что уже̑ половина ночи протекла въ восхитительныхъ разговорахъ.

Тогда случилось, что обманывающiй Гiамасбъ, употребилъ воспомянуть память отца своего Каяхозру, обратилъ бодрствующiе взоры свои на трофеи, украшающiя огромный залъ, и повернувшись къ Рустему, началъ сладкимъ звономъ:

Колико женъ и дѣвицъ проливали сле́зы о чадахъ своихъ и любовникахъ, въ вѣчной памяти достойной кровавой войнѣ, когда сiи оружiя у владѣтелей своихъ отняты львиной подобною храбростiю. Колико ручьевъ текло въ багряномъ цвѣтѣ съ холмовъ Хоразанскихъ, какъ подлый и незаконный владѣтель Афрасiабъ (*) отъ копiя твоего полнъ замѣшательства и ужаса, принужденъ былъ искать отеческаго своего удѣла. Я опасаюсь, не подобострастная ли кисть мол-

(*) *Сей былъ дѣдъ Афрасiава, упомянутаго въ повѣствованiи прежнемъ.*

вы расцвѣтила сіяющими красками образъ Каяхозру въ молодыхъ его лѣтахъ. Безспорно, былъ онъ благороденъ, мудръ и храбръ; но столько добродѣтелей, кои по сказкамъ украшали царское его достоинство, въ возрастѣ, когда человѣкъ предоставленъ безпредѣльному владычеству страстей, едва ли можно причесть возможностью для человѣка.

Не должно, отвѣчалъ Рустемъ, по пламеннымъ чертамъ образа, сумнѣваться о красотѣ подлинника. Кайхозру былъ изъ юности своей совершенный примѣръ совершеннаго Монарха, каковый только видало свѣтлое небесное око въ ежегодномъ своемъ обтеченіи.

Внимайте, о мои други! и особливо ты, мой почтенный гость, словесамъ безподкрашенныя истинны, и разумѣйте, каковыми горькими ступнями сей Царь Царей возшелъ во храмъ славы. Никакой Монархъ не надѣйся подражать величеству его, естьли онъ подобно Каюхозрою не пріобучитъ нравъ свой къ навычкѣ въ каждомъ степени добродѣтели и въ произведеніи всякихъ трудовъ. Всякой негодной Государь можетъ блистать на своемъ престолѣ; но скиптръ истиннаго величества долженствуетъ быть управляемъ рукою прилѣжанія.

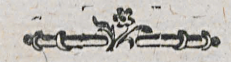
Есть-

Есть ли гдѣ глубочайшая пещера, или удаленнѣйшій островъ, камо бы труба повѣствованія не возгласила имяни Каяхозроева; и не разсказывалось бы о рожденіи его въ полатахъ врага, жалости достойная судьба родителя его, печальное бѣгство и долговремянное странствованіе добродѣтельной Принцессы родившей его.

Между горъ и пустынь воспитанъ онъ. Первое оружіе его обращено на хищныхъ трловъ и лютыхъ тигровъ, и первая одежда его состояла въ разноцвѣтной кожѣ убитаго имъ Риноцера [Носорогъ звѣрь]. Въ семъ дикомъ облеченіи увидѣлъ его военачальникъ Иранскій, и черты лица его познаны проницательнымъ взоромъ вѣрности.

Едва позналъ онъ, что дѣдъ его Каккаусъ нетерпѣливо желаетъ его видѣть, возшелъ на коня быстрѣйшаго молніи, и въ препровожденіи смѣлаго Иранца достигъ береговъ порывающаго Геона. Рѣка не удержала пути его, и преслѣдующія за нимъ всадники Туранскіе, усмотрѣли только волны разсѣкаемыя пламеннымъ конемъ его. Онъ переправился чрезъ рѣку, какъ Египетскій Крокодилъ, между тѣмъ какъ Принцесса на свѣтъ его произведшая,

 пере-

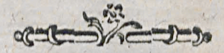
переправлена въ безопасномъ мѣстѣ; и такъ прибыли они оба при щастливыхъ предзнаменованіяхъ во дворецъ Монарха Иранскаго.

Тогда появилось восходящее солнце верьховной власти на горизонтѣ чести. Кайхозру явилъ въ своемъ юношествѣ цвѣты великаго духа, развернувшіеся въ его дѣтствѣ. Онъ превзошелъ ратниковъ своего воинства въ проворствѣ и мужествѣ, и мудрые, охраняющіе разумныя законоположенія земель его, не могли спороваться съ нимъ о цѣнѣ правосудія и истинны.

Вопросите вы, какимъ ключемъ отперъ онъ златый ковчегъ преизящества, отвѣтъ на то легокъ и явствененъ. Чрезъ труды тѣла и навычки духа, доставилъ онъ первому крѣпость и пріятность, а второму основаніе и исправность Онъ вѣдалъ, что работа есть жребій всякаго смертнаго, и что Монархъ, стремящійся къ истинной чести не долженъ быть празденъ.

Когда Кайхозру по повелѣнію восхищеннаго своего дѣда возшелъ на престолъ Иранскій, просіяло солнце благоденствія на весь народъ его. Побѣда плавала на блистающихъ крилахъ своихъ надъ его

вой-

войскомъ, и города его отзывались гласомъ благодарности. Онъ завоевалъ славно земли, къ областямъ его надлежащія, и отмстилъ по пристойности убійство родителя своего.

Здѣсь должно мнѣ умолкнуть; впрочемъ повѣствованіе мое доведетъ меня къ дѣяніямъ, въ коихъ рука сія не послѣднее имѣла участіе; что могутъ разсказывать другіе. Довольно, естьли я скажу, что неправедный владѣтель Афрасіабъ палъ подъ саблею Каяхозру, такъ какъ дубъ нагорный низлагается подъ силою посѣкающаго топора. Сіе только приложу я, что все число денегъ, которыя сей совершенство изъ Государей, или предки его употребили во время войны съ Туранцами, и кои собралъ онъ съ подданныхъ по нуждѣ, а не изъ вольнаго налогу, имъ точно возвращено, и подобно охлаждающему дождю въ лѣтнюю засуху низпали въ нѣдра обрадованныхъ жителей. Примѣръ, коему владѣтели Азійскіе прилѣжно подражать, путь, которымъ владѣтели народовъ шествовать должны.

Хитрый Гіамасбъ тотчасъ примѣтилъ, что сія похвала Кайхозрою скрытое неудовольствіе противу нынѣшняго

правленія въ себѣ заключаетъ, а притомъ разумѣлъ, что начертаніе совершеннаго Монарха, изображаетсся перомъ истинны, и что память побѣдителя Афрасіабова, сердцу непобѣдимаго Ироя столь же всегда нова, какъ и драгоцѣнна.

Такъ далеко плылъ корабль злобныхъ его предпріятій по рѣкѣ щастливаго успѣха, погоняемый вѣтромъ надежды. Онъ воображалъ себѣ: Сынъ Каяхозру легко пріобрѣтетъ благосклонность Рустемову; однакожъ отложилъ въ ночь сію открыться въ своихъ вредныхъ намѣреніяхъ. Онъ выражалъ только распространенія краснословія своего въ удивленіи совершенствамъ Царя Иранскаго, поднялся съ мѣста, и провожденъ услужливыми благородными юношами въ свою назначенную опочивальню.

Но мягкость ложа, праведныхъ и добродѣтельныхъ въ сонъ приводящая, злонамѣреннымъ бываетъ гнѣздомъ скорпіонамъ. Принцы Цаблестанскіе вкушали сладчайшій покой, и прохлаждали утомленныя ратными подвигами члены свои мастичною росою отдыхновенія. Одинъ Везирь былъ угнѣтаемъ бунтующими страстями, и его часто прерываемая

дремота едва доставляла ему время къ нужному для человѣка успокоенію.

Лишь только утро свѣтлыя облака покрыло багряницею, поднялся безпокойный Тіамасбъ съ своего безсоннаго одра. Онъ нашелъ Ироя съ сынами своими въ пріуготовленіяхъ къ ратному позорищу, намѣренному быть сыграну въ присутствіи Везиря Гистаспова. Короны изъ вѣтвей масличныхъ и лавровыя вѣнцы, были назначены награжденіемъ юному дворянству, имѣющему оказать величайшія опыты проворства или силы.

По окончаніи сихъ подвиговъ, и по увѣнчаніи побѣдителей отъ примѣчательныхъ Герольдовъ, молодые Принцы удались съ кроткимъ почтеніемъ; а Тіамасбъ оставшись наединѣ съ непобѣдимымъ воиномъ, началъ открывать вѣроломство свое слѣдующими словами:

Хвала Каяхозрою, проистекшая въ потокѣ велерѣчія изъ твоихъ ревностныхъ устъ, о освободитель Иранскій, съ того времяни безпрестанно повторяется въ восхищенномъ моемъ слухѣ Онъ по истиннѣ былъ великъ, и добродѣтели его превосходятъ всякое описаніе. Но ахъ! отрасли возвышенныя пальмы не могутъ достигнуть высоты и знаменитости оте-

че-

ческаго дерева, естьли они посажены въ худой землѣ. Молодый левъ не подражаетъ своимъ пещернымъ предкамъ, естьли хребетъ его нагбенъ подъ иго презрѣннаго вола. Такъ и мои жалобы не могутъ сочтены быть неправедными, когда народъ Иранскій воздыхаетъ о сказанномъ мнѣ неправосудіи, когда занявшіе мое мѣсто, кажется, сами неспособность свою ко оному признаютъ. Внимай! Логоразвъ ведетъ жизнь свою, какъ пустынникъ въ башняхъ Балкскихъ, и сынъ его, Государь народовъ, Монархъ, коему я служу, и коего почитать желаю, проживаетъ юношество свое въ гордомъ уединеніи, скрываетъ себя отъ очей подданныхъ, и считаетъ оныхъ за недостойныхъ взирать на его величественное сіяніе.

Тамо выдумываетъ онъ въ своемъ непремѣнномъ нравѣ отяготительнѣйшіе и лютые налоги, коихъ выполненіе и слѣдствія на меня упадаютъ. Выслушай, великомочный ратникъ! и не допусти великой душѣ твоей оскорбиться отъ словъ моихъ.

Сердце мое проливало кровавыя капли, когда непристойныя повелѣнія возвѣщались чрезъ меня народу Иранскому. Грудь моя воспламенялась негодованіемъ, когда

при-

приказано провозвѣстникамъ отъ твоей области до вершинъ Кавказскихъ, объявить конечное низложенiе прежняго богослуженiя. Я почитаю добродѣтели Зороастровы, и содержу ученiе его возвышеннымъ; но принужденiе и жестокость по всегда удалены были отъ души моей.

Я предвидѣлъ, что твоя великая душа никогда не покирится оному; подъ видомъ уговорить тебя повиноваться царской волѣ, искалъ я свиданiя съ тобою. Но днесь открою тебѣ истинное намѣренiе гласомъ чистосердечiя.

Иранцы мерзятъ тиранномъ; они признаютъ облегченiе своей бѣдности, доставляемое моими совѣтами, съ благодарностiю. Они вѣдаютъ, что я строгость угнѣтенiя часто уменшалъ съ опасностiю собственнаго живота своего, и часто притуплялъ жестокость острiя. Теперь ожидаютъ они рѣшенiя истиннѣ, отъ коей ты, левъ храбрости, довольно наставленiя имѣлъ, что право Логоразвово на корону сего великаго царства не постоитъ противу опыта правосудiя, когда сынъ совершеннѣйшаго Монарха безсмертнаго Кайхозроя, въ состоянiи носить оное съ достоинствомъ.

От-

Открой любовь твою къ отцу сему твоихъ подданныхъ своею ко мнѣ склонностію. Скиптры и престолы будутъ твое награжденіе. Королевства и Княжества повергнутся къ стопамъ твоимъ. Одинъ ударъ браннаго меча твоего разсыплетъ воинства, могущія собраться къ защищенію мучителя.

Хотя грудь Рустемова надмѣвалась презрѣніемъ къ дерзости измѣнника; но законы гостепріимства воспрещали ему, возложить на него бремя чувствительности, тяготящей его душу.

Возвратись, коварный человѣкъ, сказалъ онъ, возвратись во дворецъ оскорбленнаго твоего Государя; исправь тамъ покорностію и раскаяніемъ преступническія злости твоего правленія. Законы, которыхъ Рустемъ преступать не можетъ, не дозволяютъ ему послать тебя въ Гератъ окованнаго въ цѣпяхъ; но знай, что сіе копіе, коимъ я днесь потрясаю, и коего тѣнь одна наполняетъ уже душу твою трепетомъ, подлость и измѣну можетъ наказать во всѣхъ предѣлахъ, гдѣ только обитаютъ сіи чудовища.

Возврати угнѣтеннымъ Иранцамъ, которыхъ ты подъ имянемъ добраго, но неосмотрительнаго Монарха, имѣющаго

злаго Совѣтника, гонишь первую свободу тѣла и духа, или ожидай отъ моей силы поносныя казни — Иди, возвращайся. Не осмѣливайся мнѣ больше говорить о родствѣ съ Кайхозроемъ. Онъ самъ не призналъ бы тебя своимъ сыномъ. Не однократно такъ отзывался онъ о тебѣ, когда злые плоды начинали произрастать съ вреднаго дерева твоихъ развращенныхъ склонностей. Никогда не дозволю я, чтобъ имя моего друга поносилось твоимъ мнимымъ правомъ. Змѣй пустынный родилъ тебя; ты не можешь требовать инаго наслѣдія, кромѣ колодъ и вертеповъ. Но естьли бы я и могъ быть согласенъ, что ты не заслужилъ быть исключенъ отъ престола: то выборъ народный пресѣкъ уже твое право. Владѣтель избранный голосами, долженъ подкрѣпляться на престолѣ копіемъ Рустемовымъ.

Сказавъ сіе разгнѣванный Ирой, оставилъ вѣроломнаго Тіамасба, подобно раненаго стрѣлою ловчею тигра. Ярость и досада удушали его, и отчаянное сердце его не вмѣщало кромѣ вспыльчивости и насилія. Но онъ страшился гнѣва Цаблестанцовъ, коихъ и слова одни раздробили бы въ пыль его. Онъ созвалъ своихъ послѣдователей, и съ кипящею въ жилахъ

лахъ свирѣпостію и мщеніемъ, возвратился къ Герату.

По прибытіи своемъ нашелъ онъ уединеннаго Царя въ прежнихъ покойныхъ упражненіяхъ, и въ томъ же округѣ недѣятельныхъ утѣхъ вертящагося. Зороастръ вкрадчивымъ велерѣчіемъ своимъ оковалъ сердце Монаршее, и въ отсутствіи Гіамасба владѣлъ царствомъ съ безпредѣльною вольностію.

Сему обманщику разсказалъ измѣнникъ, какъ не удалось ему при дворѣ Рустема, и открылъ ему возномѣренія свои о принятіи отчаянныхъ средствъ, тою или иною лютостію здѣлать въ столицѣ возмущеніе, свергнуть Гистаспа съ престола и самому сѣсть на оный; при чѣмъ своему помощнику обѣщалъ неисчетныя сокровища, богатѣйшее Сатрапство [Губернія] изъ своего Ирана, титло Пророка и обоженіе отъ своихъ обманутыхъ подданныхъ.

Между тѣмъ Ирой Цаблестанскій опасаясь, чтобъ Гіамасбъ не воздвигъ возмущенія въ стѣнахъ Гератскихъ, послалъ сына своего Цалцера съ отборною толпою молодыхъ ратниковъ, и наставилъ онаго, представить неосторожному Царю его опасность, открыть честолюбіе его Министра,

стра, и совѣтовать не держать болѣе въ нѣдрахъ своихъ двоихъ наполненныхъ ядомъ зміевъ.

Принцъ увеселялся воображеніемъ, что проѣзжать будетъ сквозь неизвѣстныя еще ему зе́мли, и при дворѣ Гистасповомъ пріобрѣтетъ знаменитость своими совершенствами. Онъ принялъ повелѣніе съ очами блистающими радостію. Простился нѣжно съ своею любви достойною сестрою, надѣясь, что печаль ея продолжается отъ утраты любимой птицы, и обѣщая ей приложить всю прилѣжность, къ полученію убѣгшаго болтуна. Периэада, прощаясь съ нимъ, пролила нѣжныя сле́зы, мало помышляя о томъ, скоро ли оставитъ она сама дворецъ родительской, и которое пріуготовилъ уже̂ ей ужасъ рукою судьбины.

Цалцеръ пробѣгалъ на своемъ быстромъ конѣ горы и долы; пять сотъ отважныхъ мужей послѣдовали ему. Такъ провождаетъ орла стадо пернатыхъ его данниковъ (*). Ночью шествовалъ онъ по-

 добно

(*) Повѣствуютъ, что орлу, хищныя птицы отдаютъ дань изъ своей добычи, а особливо примѣчено оное въ скопахъ, которые уловя большую рыбу, летаютъ

добно звѣздѣ небесной, и въ полуденный жаръ принималъ отдыхновеніе, подъ сѣнію разбитыхъ при потокахъ водъ шатровъ.

Напослѣдокъ показались глазамъ его блистающія башни столичнаго города, и при повторяемыхъ восклицаніяхъ чудящейся черни въѣзжалъ онъ во оный.

Какъ осторожности Везирской никакое таинство не могло быть долго скрытно: то изшелъ онъ на встрѣчу сыну Рустемову, котораго дѣло познавалъ уже по чертамъ разгнѣвавшагося отца его. Онъ ввелъ Принца, хотя сей и не охотно слѣдовалъ, въ домъ свой, и расточалъ собранныя въ сокровищницѣ своей богатства на великолѣпное угощеніе храбраго сего юноши. Легко было выдумать причины отсрочекъ допуска его къ Царю, и жилище Везирское доставляло толь отмѣнныя забавы, что Цалцеръ почти начиналъ повелѣнія Государя и родителя своего погружать въ потокѣ забвенія.

Съ каждымъ утромъ находилъ Гіамасбъ новое извиненіе, для чего не представляетъ своего свѣтлѣйшаго гостя предъ пре-

---

и кричатъ; увидяжъ орла, приближаются къ нему, и бросаютъ ему подать сію, которую оный подхватываетъ,

престолъ величества. Принцъ допускалъ себя связывать краснорѣчію того, на коего имѣлъ принесть жалобы, и по которого рабскимъ себѣ услужливостямъ, по малу начиналъ выслушивать съ удовольствіемъ, и почитать его не праведно обвиняемымъ.

Въ сіе время, какъ уже сказано, прекрасная Перизада, оставила домъ родителя своего, и въ провожденіи преизящнаго Сагеба прибыла въ Карецмъ. Толь печальное повѣствованіе не должно быть повторяемо; то только слѣдуетъ упомянуть, что Тіамасбъ, трепещущій отъ неудачливо текущихъ своихъ происковъ, узналъ съ восхищеніемъ обстоятельное произшествіе сего дѣла. Прилѣжные его лазутчики изображали заточеніе Перизадино живѣйшими красками, и поступокъ Церира поносили горчайшими словами.

Льстивый искуситель въ тоже мгновеніе сообщилъ о семъ брату оскорбленной Принцессы, и пораженіе онаго превышалось только гнѣвомъ его и бѣшенствомъ. Везирь воспламенялъ гнѣвъ его отъ часу болѣе, и изливалъ масло злобныхъ умысловъ своихъ въ огнь страстей его. Онъ представлялъ ему необходимость, мстить за честь сестры своей, и лег-

кость покорить Церира, несогласіемъ своимъ съ Сагебомъ предоставленнаго врожденной дерзости своей и безразсудству. Онъ распространился въ причинахъ, по которымъ Карецмяне должны жаловаться на Короля, коего неистовства безпрестанно повергаютъ ихъ въ пагубныя войны. И словомъ, обѣщалъ Цалцеру торжественно, подкрѣплять его въ его правахъ, предпріемлемыхъ по толь приличнымъ основаніямъ, къ завоеванію Королевства обидчикова.

Имя побѣдителя, представленіе о Королевствѣ наполнило любочестнаго юношу радостнымъ безпокойствомъ. Онъ воздыхалъ о Периздиномъ освобожденіи, и былъ столь жаждущъ къ битвѣ, какъ левъ Гиланскій. Посольство его къ Гистаспу, и повелѣнія Рустемовы увяли въ его памяти, подобно какъ сорванная съ зеленаго стебля своего роза, и онъ далъ неустрашимой стражи тѣла своего непосредственный приказъ, послѣдовать за его знамемъ на оскорбителя его рода.

Но Тіамасбъ въ мгновеніе остановилъ сей жаръ, представя ему, что сила его слаба для таковаго предпріятія, и обѣщалъ ему надежднѣйшую помощь отъ

разбойниковъ Ширванскихъ и Дагестанскихъ. Отъ сихъ неукротимыхъ грабителей, которые и прежде были уже страшны Карецмянамъ, и которыхъ сей Везирь при впаденіи Короля Дилемскаго самъ поощрилъ пристать ко оному.

Онъ препоручилъ начальнику разбойниковъ Принца Цаблестанскаго, который съ неистовымъ жаромъ оставилъ Гератъ, направилъ путь свой въ горы, подкрѣпился тамъ войскомъ смѣлыхъ хищниковъ, вступилъ въ Карецмъ, и приближался къ замку, въ которомъ была заперта Периза-да. Чрезъ сіе приключилъ онъ прекрасной сестрѣ своей новыя истоки слезъ; ибо горящъ отмщеніемъ, прибылъ въ самыя тѣ минуты, когда раскаявшаяся любовь готова была исцѣлить раны прежнія скорьби.

Злый Везирь не успѣвъ отвратить грозящую ему непогоду удаленіемъ Цалцера, и при томъ достигнувъ намѣренія своего о впутаніи Нерира въ опасную войну, уговорился съ товарищемъ своимъ Зороастромъ о мѣрахъ къ сверженію Гистаспа съ престола. Народъ Иранскій, обманутый налогами правителя, приписывалъ оныя единственно Государю, взволновался, и готовъ былъ къ перемѣнѣ,

а подкупленное золотомЪ Тiамасбовымъ войско заговорилось, возложить на его голову корону.

Хотя все было готово кЪ бунту; но требовалось каковаго нибудь виду кЪ начатiю возмущенiя, или лучше сказать, надобенЪ былЪ одинЪ изЪ тѣхЪ случаевЪ, кои собранное скопище разгорячаютЪ, и разрываютЪ поясЪ нетерпѣливости. Злоба Зороастрова, которыя пронырство и лесть сЪ нѣсколькаго времяни достигла господства надЪ ТистаспомЪ, примѣтила то вскорѣ.

Молодый АсфендiарЪ, коего младенческiя улыбки радовали сердце любви достойныя Кенаiи, и славу зрѣлыхЪ лѣтЪ его предзнаменующими казались, былЪ предопредѣленЪ жертвою сего мрачнаго предательства. Искуситель уговорилЪ легковѣрнаго Царя, что онЪ какЪ по небесному влiянiю, такЪ и изЪ наблюденiя звѣздЪ предвидитЪ отЪ жестокаго духа Царевича сего великiя опасности для царства, кои не могутЪ пройти инако, развѣ будетЪ онЪ запертЪ вЪ мѣдную башню, и проведетЪ уединенную и отЪ честолюбiя удаленную жизнь.

Слѣдственно прекрасный младенецЪ взятЪ былЪ сЪ колѣнЪ печальныя родитель-

тельницы, и пронесенъ сквозь ропщущій, и о судьбѣ невиннаго дитяти болѣе собственныя огорченный народъ, въ плачевную свою темницу.

Едва вечеръ, распространилъ по холмамъ сѣрое свое покрывало, собралось множество вооруженныхъ копіями и саблями округъ башни, требовали освобожденія Асфендіару, и напали яростно на царскую стражу.

Городъ въ одно мгновеніе сталъ позорищемъ опустошенія, и проклятіями противу мнимаго тиранна наполненный вопль, былъ единогласенъ повсюду, и прерывался только словами: Спасеніе Гіамасбу, сыну Хозроеву, праведному владѣтелю Иранскому! Начальники бунтовщиковъ представили Везиря народу, украсили чело его царскою повязкою, и ввели во дворецъ.

Сей неожидаемый ударъ возбудилъ Гистаспа отъ засыпленія; но нашедъ себя оставленна служителями и стражею своею, усмотрѣлъ, что безполезна уже отчаянная бодрость, и убѣжалъ потайными дверьми переодѣтый въ платье разнощика. Вышедъ за предѣлы города, направилъ гонимыя свои шаги въ Балкъ, гдѣ родитель его давно уже обиталъ въ безопасномъ уединеніи.

Всю ночь прошатался онъ по лѣсамъ и пустынямъ съ пронзеннымъ отъ ужаса сердцемъ, по утру слышалъ раздающуюся по долинамъ молву о своемъ паденіи, и чрезъ осторожное развѣдываніе о причинахъ возмущенія позналъ, какія жестокости производились подъ его имянемъ.

Подобно спящему по среди лестнаго сновидѣнія возбужденному лучами возвращающагося солнца, раскаявался Тистаспъ тронутый гласомъ истинны, но поздно, о своемъ неосмотрѣніи. Бремя скорьби умножилось ему новою тягостію. Пришедъ въ Балкъ, увѣдалъ онъ, что Аргіасбъ измѣннически миръ нарушилъ, взялъ сей городъ, и тѣмъ подалъ причину душѣ почтеннаго Логоразва убѣжать изъ земнаго ея жилища.

Тогда не осталось ужѐ неутѣшному духу его никакой надежды. Онъ слышалъ въ каждомъ городѣ, что голова его поставлена въ цѣну неисчислимую золота; хотя прежняя уединенная жизнь его дѣлала незнакомымъ, и служала теперь къ безопаснасти дней его; но изъ собственнаго бѣдственнаго опыта научился онъ, что безчисленныя противности ожидаютъ Монарха, удалившагося отъ кормила правленія государственнаго, и предоставляющаго

щаго свою и народа своего безопасность рукамъ невѣрности и честолюбія.

Съ таковыми разсужденіями, и вознамѣреніями впредь имѣть совсѣмъ иное расположеніе, естьли небо опять доставитъ его на престолъ, провождалъ царскій странственникъ дни свои въ пещерахъ и лѣсахъ, а ночи продолженіемъ пути къ своему брату, коего обстоятельства ему были несвѣдомы, и на коего любовь онъ полагался. Онъ не помышлялъ, чтобъ тажъ рачительная злоба, изгнавшая его изъ собственнаго государства, нашла средство лишить его толь естественнаго прибѣжища, и что, по елику многія пути ведутъ въ бездну погибели, Церирь могъ быть сверженъ такъ же по своей горячности, какъ онъ по нерадивости.

Нечаянными противностьми понуренный умъ, спутывается въ мрачности мыслей своихъ, одна другой послѣдующихъ. Укоренія, кои долженъ дѣлать самъ себѣ, и кои угнѣтаютъ жесточае цѣпей, опровергаютъ самое мужество. Сіе было съ Тистаспомъ, укротившимъ чрезъ разумъ свой нѣкогда скопище разбойниковъ, вознесшихъ на грудь его кинжалы, и непретерпѣвшимъ того; но днесь

ужѐ онъ не въ состоянiи не токмо употреблять разсужденiя свои, но нижѐ доставало ему обыкновеннаго мужества, и каждый шорохъ листа считалъ онъ гонящимися безчеловѣчными убiйцами.

Главная причина грусти его была та, что не имѣлъ онъ оружiя. Онъ шествовалъ стезею осторожности и страха, и слѣдственно путь его былъ ему длиннѣе и огорчительнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ искалъ защиты отъ глада у милостивыхъ древесъ, коихъ навислыя вѣтви предлагали ему вкусныя даянiя; у плодоносной земли̂, которая не бывъ воздѣлываема, различныя преизящныя травы и корни представляла, и утысячи щедрыхъ чистѣйшихъ источниковъ, кои казались ожидающими приближенiя упомянаго странственника.

Съ начала дивился Гистапъ несказанзанно, нашедъ такое изобилiе истинныхъ богатствъ въ толь уединенномъ мѣстѣ, когда онъ въ большей части обитаемыхъ мѣстъ, около столичнаго города не видалъ, кромѣ замѣченныхъ перстомъ опустошенiя; на конецъ усмотрѣлъ, что поврежденное человѣческое правленiе всѣ доброе, назначенное ему природою, превращаетъ, и очень часто вредитъ.

Въ одно утро удалившись въ густый лѣсъ, дабы благосклонную закрышу ночи замѣнить мрачною онаго тѣнію, нашелъ онъ совершенное вооруженіе, лѣжащее между тѣлъ двоихъ молодыхъ людей, коихъ лица и въ мертвыхъ чертахъ изображали впечатлѣніе зависти и корыстолюбія, которое, какъ чаятельно въ послѣднія мгновенія ихъ одушевляло. Раны ихъ подтверждали сіе упованіе.

При семъ плачевномъ видѣ пролилъ Гистаспъ слéзы сострадания надъ оными нещастными жертвами человѣческаго безумія, которое отъ хотѣнія пріобрѣтенія, часто прежде наслажденія онымъ всего лишаетъ. Онъ покрылъ бѣдныя останки прутьями и терніемъ, дабы сберечь оныя отъ снѣденія дикихъ звѣрей; потомъ взялъ предметъ ихъ брани, яко пріятный подарокъ себѣ, облекся въ блистательную сталь, и продолжалъ поспѣшно путь свой, и не скрывалъ ужѐ себя болѣе отъ благодѣянія, кое небесное свѣтило отъ престола своего сіянія всюду простираетъ.

Ужѐ видѣлъ онъ съ вершинъ высокихъ горъ катящіяся струи Геона, и надѣялся ужѐ достигнуть желаемаго прибѣжища, какъ въ долинѣ усмотрѣлъ

двоихъ ратниковъ, неровный бой производящихъ. Одинъ изъ нихъ, нѣсколькихъ невольниковъ при себѣ имѣющій, не стыдился обращать выгоды сіи противу своего непріятеля трусливѣйшимъ образомъ; другой многочастнымъ ударамъ противу поставлялъ только мужество свое и постоянство, что наполняло сердце Гистаспово удивленіемъ, и оживляло въ немъ всѣ искры врожденнаго великодушія.

Изгнанный Монархъ забылъ опасноть, что можетъ открытъ быть. Нѣжное движеніе, производимое добродѣтелью, побудило его съ праведнымъ гнѣвомъ, заслуживаемымъ къ подлодушію, бѣжать къ нападаемому воину, разсыпать толпу подлыхъ его утѣснителей, и въ сіе мгновеніе видѣлъ онъ непріятеля его побѣжденна и обезоруженна, который трепеталъ въ рукахъ его, подобно агнцу въ крѣпкихъ лапахъ льва.

Въ сію минуту выскочила изъ за деревъ пригожая и дрожащая дѣвица, бросилась предъ побѣдителемъ на колѣни, и вопіяла:

Ахъ! пощади его, пощади! не марай дражайшія руки кровію; сіи руки, коия съ восхитительною нѣжностію лобзать желаю. Онъ только по принужденію супругъ

пругЪ мой: позволь сему имяни, на которое я не дала еще моего согласія, по крайней мѣрѣ спасти жизнь ему. Отпусти его, и удержи меня, какЪ вѣрную спутницу при себѣ, которая желаетЪ принимать во всѣхЪ судьбахЪ твоихЪ участіе.

Встань, сказалЪ храбрый кЪ своей опредѣленной жертвѣ, и благодари любезнымЪ устамЪ, исходатайствовавшимЪ тебѣ милостивый приговорЪ.

Лучше, сказалЪ побѣжденный, да буду я вЪ часть тысящекратной смерьти, чѣмЪ подвергну себя сраму. Коли, вонзай кинжалЪ свой вЪ грудь мою, и когда я отЪ твоего неправеднаго сердца не могу ожидать, кромѣ постыдныхЪ встрѣчь, то прилагай преступленіе кЪ преступленію, и мщеніе небесное вооружи сильнѣйшую руку моей страшнымЪ перуномЪ, чтобы на конецЪ она тебя раздробила.

ОтЪ сихЪ угрозныхЪ словЪ благородный ратникЪ казался издыхающимЪ пламя сквозь личникЪ шелома своего. Ужѐ воздвигЪ онЪ страшную саблю на своего непокориваго врага, какЪ вдругЪ одумавшись, поостановился, и потомЪ обратясь кЪ прекрасной испытательницѣ своей чести, сказалЪ:

О

О божество души моей, имѣй сожалѣніе съ твоимъ нещастнымъ любовникомъ, который твои прелести долженъ оставить ненавистному совмѣстнику. Его упорное вознамѣреніе владѣть тобою, его теперишнее отчаяніе, суть твоя безопасность; сего довольно мнѣ. Я не могу лишить его сокровища, кое числитъ онъ дороже жизни своей, которую ты ему испросила. Нѣтъ, помыслъ таковаго недостойнаго поступка на вѣки отравилъ бы мое ожиданное благоденствіе. Дозволь мнѣ, какъ и требуетъ сего истинное величество, простить ему, дерзость языка его и подлость защищенія, кое можетъ быть довольно извиняется безотвѣтнымъ моимъ на него нападеніемъ. Ахъ! я долженъ противу страсти поставить предразсужденіе, которое самаго меня привело въ изступленіе, за кои я не могу довольно претерпѣть. Я бѣгу отъ тебя. О естьли бы каждое мученіе, которое понесу отъ сей разлуки, приложило щастливый день къ твоей невинной жизни!

Сказавъ сіе, удалился онъ поспѣшно. Гистаспъ послѣдовалъ ему, бывъ столькожъ тронутъ, какъ и онъ, хотя совсѣмъ по другой причинѣ. Оба они спѣ-

шили

шили въ лѣсъ, коего зыблющіяся вѣтви при трогающемъ зрѣлищѣ, котораго они были свидѣтельми, являлись трепещущими. Тамъ Гистаспъ открылъ личникъ шишака своего, и вскричалъ:

О любезный братъ мой! мой возлюбленъ. —

Больше не могъ онъ выговорить. Любовь и радость пресѣкли голосъ его въ объемлющихъ рукахъ Церира, въ котораго сердцѣ не осталось ни малѣйшаго воспоминовенія воспріятаго прежде по видимому отъ Гистаспа оскорбленія. Взаимно нѣжный другъ о другѣ страхъ, былъ то, чѣмъ удержались братнія ихъ обниманія. Молчаніе и слезы были единственныя выраженія восхищенныхъ душъ ихъ. Напослѣдокъ Гистаспъ взглянувъ печально на брата своего, сказалъ:

Не ужъ ли оба мы ниспали въ одинакую пропасть бѣдности? Здѣсь ли намъ долженствовало свидѣться?

Нѣтъ, отвѣчалъ Цериръ; мы не можемъ быть нещастны, естьли опять соединены. При нашемъ послѣднемъ разлученіи были мы тѣмъ дѣйствительно. Корона, не можетъ замѣнить потерю братней любви, и я о своей не буду сожалѣть; естьли опять имѣю твое дружество, естьли

ли нужна тебѣ жизнь моя, для отмщенія тебѣ оказанной несправедливости. Не давно свѣдалъ я, что дерзской измѣнникъ восталъ противу тебя; но не знаю о страшныхъ сего подробностяхъ. Я съ моей стороны сражался не съ мрачною злостію, а воевалъ противу самой добродѣтели, и къ вѣчному стыду моему побѣдилъ ее.

Удалимся въ безопасное мѣсто, отвѣчалъ Гистаспъ, и тамо разскажемъ учиненныя нами погрѣшности, оплачемъ оныя, и естьли можно, поправимся.

Они удалились по сему въ густѣйшую часть лѣса, гдѣ увидѣли малую хижину съ садомъ, окруженную высокимъ полисадникомъ и терновыми кустами оброслшую.

Оба великіе Монарха Азіи, не могли взирать на сіе жилище, не имѣя въ томъ утѣшенія. Ихъ раззолоченныя дворцы, ихъ пріятныя гульбища, не столь привлекали къ себѣ взоры ихъ, какъ сія соломой покрытая хижина, и сія дикая роща: ибо желаніе, слѣдственно и истинная нужда толь крѣпко сообщены съ недостаткомъ, что не возможно изобилію, одну отмѣнить, и другое удержать.

ВЪ томЪ, какЪ ГистаспЪ и ЦерирЪ сЪ любопытнымЪ ожиданіемЪ примѣчали желаемое ими уединеніе, таково ли пусто внутри, какЪ казалось сЪ наружи, услышали они вЪ тонкихЪ оныхЪ стѣнахЪ раздающіяся жалобы. Они здѣлали потому проломЪ вЪ подгнившемЪ заборѣ, и нашли вЪ хижинѣ престарѣлаго мужа, простертаго на голой землѣ вЪ видѣ крайнѣйшей горести. Одна рука его поддерживала трясущуюся его голову, а другая держала исторженныя ею его волосы, подобныя снѣгу. При торопномЪ входѣ Государей обратилЪ онЪ на нихЪ смятенные взоры; но едва увидѣлЪ Гистаспа, палЪ онЪ вЪ движеніи, превосходящемЪ силы его, и кричалЪ:

О чудовище, кЪ погибели моей рожденное! ты возвращаешся, чтобЪ совершить оную? Не довольно ли тебѣ было лишить меня единственнаго моего сокровища, слѣдственно и жизни моей? Должно ли тебѣ послѣднія мгновенія мои еще огорчать, и принуждать меня, поносить силу, могущую продолжить по смерти моей мученія, кои приключилЪ ты мнѣ злобно?

ОнЪ продолжилЪ бы сей голосЪ; но ГистаспЪ былЪ очень тронутЪ, чтобЪ могЪ

 боль-

больше оный вытерпѣть. Онъ поднялъ свой личникъ, и сказалъ:

Разсмотри меня лучше, нещастный человѣкъ, и тогда считай меня причинителемъ твоей печали, въ коей сердце мое истинное пріемлетъ участіе, и горитъ желаніемъ оную уменьшить.

Ахъ прости мнѣ, отвѣчалъ пристыженный незнакомый, прости мое заблужденіе. Сладкіе разговоры твои, страшное величество вида твоего, не имѣютъ ни малаго сходства съ дикими взглядами и обманчивыми усмѣшками моего лютаго врага. Оружіе твое обмануло меня, и еще я по оному въ нерѣшимости. О естьли ты имѣешь жалость съ слабостію лѣтъ моихъ и оставленнаго состоянія, скажи мнѣ, скажи, сія сталь всегда ли въ твоихъ рукахъ была, или случаемъ во оныя досталась? Гистаспъ на толь усильную прозьбу отвѣтствовалъ ему самую правду, коя была ядовитыми стрѣлами для сердца нещастнаго слушателя. Онъ поднявъ орошенныя глаза свои на небо сказалъ.

О провидѣніе! коего судьбамъ я покориться долженъ, уловило ли ты искусителя въ собственныхъ его сѣтяхъ? Но не должно глубочае входить въ ужасъ праве-

веднаго твоего опредѣленія; ужѐ довольно ты мнѣ оное открыло. И вы, сострадательные ратники! продолжалъ онъ съ вкорененными чертами жестокаго отчаянія, внимайте слова̀ бѣднаго отца, и сообщите плачевную судьбу его въ лѣтописи ужасностей.

Я имѣлъ двоихъ сыновъ. Когда смерть возлюбленной супруги моей подала случай избрать мнѣ сіе уединенное убѣжище, я уповалъ, что сіи нѣжныя, родительскою любовію наблюдаемыя насажденія, приклонятся здѣсь подъ порядокъ природы, и удалилъ ихъ для того отъ развращающаго общества съ возможнымъ попеченіемъ и осторожностію. Времяпровожденіе ихъ дѣтства, невинныя забавы ихъ юношества нагрѣвали кровь мою новою жизнію; но не льзя ужѐ воззвать пріятные часы изъ пропасти вѣчности. Должны ли послѣдующія имъ страшныя минуты истребить ихъ напоминовеніе?

Сіяющее солнце ужѐ троекратно въ обыкновенномъ своемъ теченіи удалялось отъ развращенныхъ человѣкъ стыдяся, какъ по нещастію, отряженный Гіамасбовъ, открылъ мою пустыню. Онъ просилъ о покровѣ страннопріимства, и я дозволилъ ему не безъ негодованія. Мы сидѣли за

 сто-

столомъ умѣренности, который веселостью хотѣли учинить пріятнымъ; но сіе не надолго продлилось, и боязненныя предчувствія впали во мои мысли. Я видѣлъ обманъ въ очахъ гостя моего, и вѣроломство въ ласканіяхъ, которыя сказывалъ онъ сынамъ моимъ, кои не примѣчая словъ его, утѣшались только блистающею его бронею. Сей лютый волкъ понялъ нещастную склонность ихъ, и тотчасъ наострилъ когти суроваго своего краснорѣчія противу невинныхъ моихъ агнцовъ. Юноши, сказалъ онъ, вы кажетеся удивляющимися моему воинскому снаряду: послѣдуйте за мною, и я постараюсь, чтобъ было въ вашей волѣ одѣться въ подобное украшеніе. Новый Монархъ Иранскій, который есть неизчерпаемый источникъ милости и щедротъ, проліетъ на васъ рѣки даянія, и пожалуетъ вамъ равное вооруженіе, которое вы можете промѣнять съ первымъ убіеннымъ вами человѣкомъ, имѣющимъ на себѣ лучшее.

Я видѣлъ впечатлѣніе, дѣлаемое въ неосторожныхъ робятишкахъ сею искусительною рѣчью, и говорилъ голосомъ измѣняющимся отъ гнѣва и робости. Оставь шутки, причиняющія скорбь отцу

чув-

чувствительному; ибо не возможно, чтобъ въ правду желалъ ты нарушить законъ странноприимства, и лишить меня сыновъ моихъ? Но и они не согласятся къ толь неестественнымъ дѣйствіямъ.

Чтожъ ты съ ними дѣлать задумалъ? отвѣчалъ онъ холодно. Не живыхъ ли ты ихъ хочешь погресть въ открытомъ гробѣ? Я предлагаю имъ чести, богатства, кои свѣтъ почитаетъ дорого. Я не принуждаю воли ихъ; пусть сами они изберутъ.

Нашъ выборъ совершенъ, вскричали они оба: естьлибъ мы только увѣрены были, что получимъ вооруженіе, подобное твоему, то готовы за тобою слѣдовать.

Сіи въ рѣшительномъ звонѣ произнесенныя слова, исчерпали мое терпѣніе. Позорный сообщникъ неправеднаго владѣтеля, сказалъ я, не думаешь ли ты, чтобъ преступленія твоего Государя, коего ты превозносишь, не были мнѣ свѣдомы? Я не такъ вовсе удаленъ отъ свѣта, что бы ни чего не слыхалъ о томъ. Естьлибъ и нужда меня не побуждала ходить въ сосѣдственныя деревни: тобъ и звѣри лѣсные принесли во уши мои страшную вѣсть сію. Бѣдные Иранцы долго

стенали подъ бичемъ, которымъ онъ старался отогнать ихъ отъ законнаго владѣтеля, и днесь пріемлетъ онъ притворную кротость, коя скрываетъ въ себѣ вреднѣйшій ядъ, нежели обнаженный мечь лютости. Но когда онъ желаетъ привлечь склонность нашу къ себѣ щастливою перемѣною своего состоянія, не должно ему вмѣсто тиранства употреблять искушеніе. Тираннъ оковываетъ только тѣла, и подъ его угнѣтающимъ начальствомъ по меньшей мѣрѣ вкушаютъ подданные утѣшеніе, провождающее невинность: искуситель запутываетъ сердца въ тенеты оклеветанія, и дерзаетъ постыдное рабство называть вольностью.

Свободны ли Вельможи Иранскіе, когда они по видимому не принуждены усиліемъ; но золотою цѣпью приведены къ несправедливости? Свободны ли мои дѣти, когда ты ихъ у престарѣлаго отца не силою вырываешь; но уговариваешь оставить онаго безпомощна въ когтяхъ отчаянія? Свободенъ ли я, когда принужденъ ихъ и себя проклинать, вмѣсто пролитія слезъ любви и состраданія о судьбѣ ихъ?

Коварный тигръ приклонилъ внимательное ухо къ жестокимъ словамъ моимъ, чаятельно для того, чтобъ увѣдомитъ

мить Гіамасба о расположеніи противу его подданныхъ, почему и я получилъ бы надежду въ успѣхѣ, но вдругъ сей вскочилъ сказавъ:

Ступайте, мои храбрые юноши! оставте стараго враля; вамъ должно разумно поступать. Идите, и слѣдуйте за симъ украшеннымъ шишакомъ!

Они встали, неблагодарные чады встали! Ахъ! ихъ отвороченные, едва только первымъ мохомъ покрытыя лицы, покрыты были краскою преступленія. Я бросился въ передъ, охватилъ ихъ тонкія тѣла дрожащими моими руками. Можетъ бы воззвалъ я ихъ къ должности; но варваръ повергъ меня ударомъ жезла своего.

Новая горячность, разлитая истиннымъ гнѣвомъ въ крови моей, возвратила меня къ жизни. Вознамѣренъ слѣдовать стопамъ неистовыхъ дѣтей моихъ, бѣжалъ я къ дверямъ моей огороды, но нашелъ оныя крѣпко заперты. При таковомъ послѣднемъ дѣйствіи безчеловѣчія рѣвелъ я подобно львицѣ, ищущей дикихъ чадъ своихъ, и впадшей въ сѣти ловцовъ.

Когда ночь простерла мрачный свой покровъ, манилъ я воплемъ моимъ лѣсныхъ

ныхъ звѣрей, чтобъ пришли они разломать слабый оплотъ, противу ихъ устроенный. Они отвѣтствовали мнѣ страшнымъ вытьемъ; но страхъ или сожалѣніе удержало ихъ, и я долженъ бы умереть грызомый зубомъ бѣдности, естьлибъ сострадательное небо не послало васъ, удержать на нѣсколько нить скорбей и моей жизни.

Сыновья мои воспріяли страшную мзду преступленія своего, и я уповаю, что казнь искусителя ихъ предшествовала тому. Можетъ ли моя не быть приближенна! Предъ страшнымъ судилищемъ, коему я предстану, принесу я жалобу и дамъ отчетъ о семъ ужасномъ сплетеніи!

Не долженствовало ли мнѣ помыслить, что смертный ядъ не токмо теряетъ часть крѣпости своей, когда медлительно гроливается въ жилы; но и въ шествіи своемъ можетъ удерживаться надлежащими противу ядами. Мнѣ надлежало бы ввѣренныхъ надзиранію моему юношей мало по малу научать опасностямъ отъ общества бывающимъ, мнѣ бы надлежало благовременно ихъ предостеречь. Но ахъ! предпріявъ неудачливое намѣреніе, разлучить ихъ съ свѣтомъ, слѣдовало сему токмо служить къ моимъ предо-

пре-

предѣленіямъ, чтобъ остеречь ихъ отъ тайно вскользающихъ пороковъ. Я не опасался, чтобъ явное насиліе, или обнаженное искушеніе могло ворваться въ прибѣжище невинности; ибо справедливый Лоторазвъ владѣлъ тогда въ Иранѣ.

По возшествіи Гистасповомъ на престолъ, такъ же неопасно мнѣ было въ моей пустынѣ. Кто бы не имѣлъ лестной надежды о Царевичѣ, которому Локманъ сообщилъ ученіе премудрости, коего юношество, блистающее чистымъ золотомъ добродѣтелей, вышло изъ горнила противностей? О! естьли бы вопль мой достигъ ушей его! естьли бы увидѣлъ онъ ужасъ, въ который повергла меня порочная его безпечность! онъ конечно бы остерегся. Естьли милосердое небо возведетъ его на престолъ по прежнему, повергать подданныхъ своихъ въ толикія горы нещастій; по меньшей мѣрѣ смерть моя можетъ бы могла быть полезна свѣту.

Желаніе твое исполнилось, вскричалъ Гистаспъ, который не могъ болѣе удержаться. Взирай на твоего виновнаго, и по справедливости наказаннаго Государя, близъ тебя простертаго на колючихъ терніяхъ скорби, готоваго купно съ тобою

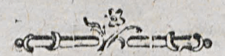

погрузиться въ безднѣ отчаянія. Удержи его, хотя ты самъ на нещастномъ краю онаго стоишь, то онъ замѣнитъ потерю сыновъ твоихъ, и будетъ любить и почитать тебя, какъ отца своего и благодѣтеля.

Да, тебѣ я долженъ цѣлебнымъ свѣтомъ, разогнавшимъ тьму моего самолюбія. Теперь вижу я скрытое чудовище, въ коего власти былъ я толь долго. Истинное наимянованіе его упрямство, воображенная гордость, однакожъ оно называетъ себя постоянствомъ. Имъ былъ водимъ я, и бывъ опредѣленъ къ мужескимъ упражненіямъ, остался въ женоприличномъ уединеніи. Оно дѣлало, что я презиралъ представленія истинны, противился склонностямъ сострадания, и открылъ сердце мое льстивнымъ измѣнникамъ. Но естьли сіе истинное признаніе моихъ заблужденій можетъ возвесть меня въ состояніе, и удовлѣтворить погрѣшности мои, то буду я взирать яко на первую должность мою, тебѣ за несравненныя страданія твои доставлять всевозможныя отрады.

Жестокое изумленіе изобразилось на чертахъ лица сего престарѣлаго мужа, доколь слушалъ онъ слова Тистасповы, на-

по-

послѣдокъ сомкнулись слезящія очи его, и опустился онъ, по видимому, въ нечувствіе вѣчнаго сна.

Въ томъ какъ печальный Монархъ оглядывался ища помощи, увидѣлъ онъ новаго зрителя сего плачевнаго позорища, и нашелъ въ немъ одного изъ двухъ невольниковъ, кои нѣкогда по повелѣнію Ацимову привозили разбойникамъ за него выкупъ, который со дня его благополучія былъ знатно отъ него награжденъ; но о коего привязанности къ себѣ забылъ онъ во время всеобщей своей безпечности.

Кецри, вскричалъ онъ, нарочно ли ты слѣдовалъ за мною въ сіе жилище слезъ, или провидѣніе направило сюда стопы твои?

Должность моя, отвѣтствовалъ Кецри, провождать тебя по пути безпокойствъ и отягощеній, и мое первое попеченіе должно быть, успокоить приличное твое замѣшательство въ разсужденіи сего предмета.

Сказавъ сіе, приближился онъ къ жалости достойной жертвѣ родительскія любви, и чрезъ крѣпительный Еликсиръ доставилъ ему употребленіе чувствъ. Потомъ обратясь къ Государямъ, просилъ ихъ, тѣмъ же средствомъ цѣльбоносныхъ

капель ободрить изчерпанныя жизненныя духи, и удалиться для покоя, обѣщая имь при томъ, должность утѣшителя сохранить съ неутомленнымъ попеченіемъ.

Гистаспъ и Церирь ощущали лобзанія раскаянія безконечно мягчайшими, нежели пустыя угрызенія совѣсти. Они наутріе проснулись съ необыкновенною бодростію, которую Кецри пріумножилъ пріятною надеждою, почтеннаго хозяина ихъ возвратить къ жизни, и можетъ въ чѣмъ нибудь успокоить Они удалились въ простой садъ, сѣли подъ кедромъ, коего сплетшіяся благовонныя вѣтви дѣлали естественную пріятную застѣнь, и Гистаспъ началъ говорить слѣдующее:

Укоренія, произнесенныя противу меня гласомъ ужаса, предварили тебя столькожь, какъ мое собственное признаніе истинны и нещастнаго источника приключившихся мнѣ злощастій. Теперь открой мнѣ ты паденіе свое равнымъ ли со мною причинамъ приписать долженъ, и ищи оному безпредѣльною повѣренностію въ нѣжныя нѣдра брата твоего по малой мѣрѣ утѣщенія.

По симъ ободрительнымъ рѣчамъ открылъ Церирь уста замѣшательныя, и повѣствовалъ съ вѣрностью кривыя пу-

ти,

ти, по коимъ слѣдовало уже за нимъ перо сего писанія, и когда оставилъ его Тистасповъ ужасъ при объявленіи подложнаго письма, отвѣтствующаго на прозьбу помощи противу Дилемлянъ, кое было имянемъ его послано отъ Гіамасба, продолжалъ Церирь приключеніе свое до мѣста, гдѣ остановилась повѣсть его, потомъ оканчивалъ въ живѣйшихъ выраженіяхъ, какія только дозволяло употреблять ему раскаяніе, слѣдующимъ образомъ:

Я не могъ не благодарить Мелека, за подаваемыя имъ мнѣ въ надлежащее время совѣты, хотя презиралъ истинныя причины его усердія; ибо сердце мое воздыхало по человѣкѣ, котораго я дѣйствительно высоко почиталъ, и думалъ благонадежно, что Перизадина невѣрность отвратитъ Сагеба отъ пользъ сея волшебницы, и первыя мои шаги направилъ къ жилищу его, окруженному стражею, и говорилъ ему:

Смотри ты, ослѣпленно чистосердный человѣкъ, виждь соборъ всѣхъ добродѣтелей, которыя ты много уважаешь, преображенный въ коварную и измѣнничествующую женщину, которая употребляя въ пользу прежнюю мою склонность, искала слухъ мой ласкательнымъ гла-

гласомъ любви ложныя оглушить для звука оружія. Цалцеръ шествуетъ съ сильнымъ воинствомъ къ Цамакшару. Честолюбіе его возбудилось, и прикрыто личиною мщенія за мнимо терпящую Перизаду. Она обманула легковѣрную Ситару, и нашла средство, чрезъ сіе заманить меня въ сѣти своей злости, и мѣтила въ самое то мгновеніе въ мою погибель, когда видѣла слабое мое сердце склоннымъ къ возложенію тѣхъ цѣпей, которыя я низвергъ. Теперь называй сіе добродѣтелью, жертвовать таковому идолу твоею дочерью, твоею честью, и твоимъ другомъ.

Нѣтъ, Государь, отвѣтствовалъ непокоривый Сагебъ; никогда не пожертвую я оныхъ: совершеннѣйшій предметъ, сильнѣйшія страсти, величайшія корысти, не могутъ меня къ тому принудить. Всегда буду я нѣжный, но непредразсудками объятый родитель. Я охраню честь мою дѣяніями праведными, и докажу вѣрность мою въ дружествѣ, когда свѣчу истинны буду безпрестанно держать предъ очами моего друга.

Прости, потому воображенію моему, естьли я утверждаю, что ты обманываешся въ мнѣніи своемъ о Перизадѣ.

Мож-

Можно ли марать чистыя голубиныя ея перья черным пухом ворона? Может ли чистая и благородная душа употреблять подлыя хитрости и порочныя обманы? Без сумнѣнія неукротимый глас молвы возвѣстил Цалцеру причиняемую сестрѣ его несправедливость, и его извинительная жажда к мщенію, есть единственное основаніе к оклеветанію нещастной Принцессы, когда она может быть и в сей час удерживает руку разгнѣваннаго своего брата.

Но да не потеряем времяни в пустых чаяніях, когда предстоящая опасность зовет нас к дѣйствіям. Хочешь ли ты неготовых подданных своих предоставить смерти или неволи, противясь исполненію, повелѣваемому долгом справедливости? Хочешь ли ты в осажденном городѣ ожидать новой милости с небес, которыя оскорбляешь своею ненавистію? О дозволь человѣку, по твоей волѣ оставившему сѣнь благословеннаго покоя, невидать сих нещастных дней! Не допусти невинный его к согласным звонам порядка пріобыкши слух быть проницаем страшными звуки проклятія твоей несправедливости! Не опредѣляй сердца его к лютому сраженію

между

между нѣжности къ тебѣ и своей природной склонности къ справедливости.

Съ радостію предлагаю я тебѣ на жертву жизнь мою; но не допущу жизнь другихъ быть пресѣченну мечемъ несправедливости: по сему припадая къ ногамъ твоимъ прошу, позволь мнѣ должности, кои я своеохотно возложилъ на себя, исполнить такъ, какъ требуетъ общая наша честь и спокойство. Дозволь мнѣ поспѣшить въ Цалерово ополченіе, и чрезъ щастливое примиреніе укротить волнующійся Океанъ брани, а при томъ учинить тебя владѣтелемъ всѣхъ совершенствъ, какія только могла соединить природа въ единой женщинѣ; ибо благополучіе твое должно быть истинною и драгоцѣннѣйшею мздою моего усердія.

Могу ли я изобразить тебѣ, возлюбленный братъ, впечатлѣніе, которое трогающія слова, убѣдительное расположеніе, и нѣжныя слезы Сагебовы во мнѣ произвели? Я поднялъ его, прижалъ къ груди моей, вдыхалъ, какъ мнѣ казалось въ объятіяхъ его свободнѣйшій воздухъ: и равно какъ бы благоуханіе добродѣтелей его свой животворный паръ вливали въ мое сердце; но вскочившая въ ту комнату Цулика, возбудила меня изъ

мо-

моего щастливаго восторга, и обратила меня къ нападенiямъ моихъ безразсудныхъ страстей.

Избавь меня, возлюбленный Государь, вскричала она, бросясь къ ногамъ моимъ, избавь меня отъ мучительницы Гулруцы, которая обнадеживаетъ, что меня чрезъ нѣсколько мгновенiй сочетаютъ съ Елихомъ, потому что ты покорясь Цалцеру, долженъ будешь отъ его угрожающей руки принять обруганную сестру его. Я на обѣщанiе твое не дѣлаю требованiя. Нѣтъ, Боже избавь, чтобъ ты для злощастной Цулики низшелъ съ престола; но за чемъ опредѣляютъ, что отдала я иному склонность свою, когда честь быть Королевою Карецмскою, не можетъ ужè быть моимъ жребiемъ? Не обѣщала ли я, что мое сердце всегда будетъ тебѣ надлежать, когда ты на моихъ трепещущихъ устахъ тѣже произносилъ клятвы? За чемъ не дозволяютъ мнѣ взять послѣднее горестнѣйшее прощенiе?

О! мы не разлучимся, вскричалъ я, прижавъ любви достойную и невинную дѣвицу къ сердцу моему. Гулруца, Цалцеръ и Перизада пусть бѣсятся отъ любви нашей, но ничто. —— ——

Удержись, заблуждшій Король, пресѣкъ рѣчь мою Сагебъ, и вырвалъ дочь свою съ движеніемъ, мало пристойнымъ должности и разуму своему, изъ рукъ моихъ; удержись, и не допускай твоему безстыдному языку подавать свидѣтельства порочныхъ паденій твоего непостояннаго нрава. А ты, дерзкая дѣвка, продолжалъ онъ, оттолкнувъ ее жестоко рукою, удались, и не принудь меня проклясть простоту твою, которая постыднѣе тончайшей злости.

Отъ сей встрѣчи отступила назадъ Цулика съ ужасомъ, и искала прибѣжища въ нѣдрахъ нѣжныя послѣдующей за нею родительницы своей. Во мнѣ огнь гнѣва разорилъ послѣднія слѣды чувствованія, возбужденнаго прежде во мнѣ Сагебомъ. Съ яростнымъ взоромъ обратясь къ нему, сказалъ я:

Голова твоя, измѣнникъ, залогъ мнѣ сего неоцѣненнаго сокровища; я оставляю его въ рукахъ твоихъ, пока приведу въ неопасность жилище любви моей, и дерзкаго непріятеля, отъ коего имяни содрогается душа твоя, прогоню. Останься въ стѣнахъ своихъ, робкій! которыя — обѣщаю сіе тебѣ —— окружу крѣпкимъ воинствомъ. Не долго замедлится, и призна-

знаешся ты, что сынЪ ЛогоразвовЪ ни мало не требовалЪ твоей помощи, когда пришелЪ взглянуть на низкое твое состояніе.

Я вижу, возлюбленный мой ТистаспЪ, что ты скоропостижнымЪ перемѣнамЪ души моей внѣ себя отЪ изумленія. Они самому мнѣ непонятны, и отЪ ненавистнаго оныхЪ припоминовенія объемлетЪ меня страшный трепетЪ. Да, неукротимыя волны бурливаго моря, жестокость вихря, опровергающаго противящіяся ему каменныя горы, суть слабое начертаніе мыслей моихЪ, и поступокЪ вЪ крайностныя часы оныя. Я горѣлЪ отЪ гнѣва на Сагеба и отЪ любви кЪ Цуликѣ. Негодованіе кипѣло вЪ жилахЪ моихЪ, когда помышлялЪ я о безстыдномЪ непріятелѣ, осадившемЪ столицу мою. Понуренныя лица моихЪ подданныхЪ растопляли жалостію сердце мое.

КакЪ могло избавить меня только отчаянное защищеніе, то не переставалЪ я уговариваніями и примѣромЪ ободрять малое число воиновЪ, бывшихЪ вЪ городѣ. Денно и ночно дѣлали мы вылазки изЪ осажденныхЪ воротЪ нашихЪ, и подобно отборному стаду львовЪ, наступали на неисчисленное скопище слабѣйшихЪ звѣрей,

и возвращались не безЪ доказательства, что множество не можетЪ сражаться сЪ храбростію; ибо, хотя ПалцерЪ былЪ противникЪ непренебрегаемый, но разбойническое войско не подкрѣпляло его мужества.

Судьба опредѣлила мнѣ быть побѣжденну страшнѣйшимЪ непріятелемЪ, котораго ярость я не старался приводить вЪ робость, который престолЪ мой оковалЪ гвоздями безпокойства, и низвергЪ меня напослѣдокЪ со онаго вЪ прахЪ. Сія вражеская власть былЪ горячій нравЪ мой. Послѣднее дѣяніе его приведетЪ тебя вЪ трепетЪ, и при разсужденіи о моихЪ преступленіяхЪ забудешь ты собственное свое раскаяніе: ибо погрѣшностей твоихЪ со онымЪ никакЪ сравнить не можно.

Осада продолжалась мѣсяцЪ, и храбрый отпорЪ нашЪ, остудя жарЪ, наступателей принудилЪ поудалиться, какЪ вЪ одинЪ день, когда я отЪ усталости впалЪ вЪ легкій сонЪ, подлый МелекЪ разбудилЪ меня, и гремѣлЪ во уши мои слѣдующее:

Встань, Государь! покой твой на вѣки потерянЪ, естьли хотя мгновеніе замедлишь. Темница Елихова вЪ шумѣ послѣдней вылазки разломана, и онЪ предво-

водительствуя бунтующими своими освободителями, открылЪ путь чрезЪ стражу вЪ полаты Сагебовы, по котораго приказу тогдажЪ сочетанЪ сЪ Цуликою.

И ты дерзаешь престать мнѣ сЪ сею страшною вѣстію, не принося вЪ рукахЪ головы сихЪ измѣнниковЪ? вскричалЪ я голосомЪ, почти удушаемымЪ отЪ бѣшенства. Не думаешь ли ты, что мнѣ должно замарать руки подлою ихЪ кровію? Довольно для нихЪ и той чести, естьли отЪ тебя оная пролита будетЪ. Бѣги сЪ глазЪ моихЪ, и не осмѣливайся дыхнуть предо мною, доколь не выполнишь сего омерзительнаго опыта твоей должности.

Негодный человѣкЪ повиновался сЪ вѣроломнымЪ усердіемЪ злобы, и оставилЪ меня вЪ такихЪ чрезвычайныхЪ мученіяхЪ мыслей, которыхЪ никакой языкЪ изъяснить не можетЪ. Я пылалЪ огнемЪ отЪ оскорбленія, и трепеталЪ смертельнымЪ холодомЪ, при ожиданіи исполненія моего мщенія. Каждое мгновеніе разглашался вЪ ушахЪ моихЪ страшный звонЪ торжествующаго Мелекова голоса, и казалось, что представляетЪ онЪ мнѣ блѣдную и кровавую голову Сагебову, котораго глаза еще вооружены тысячью стрѣлами справедливыхЪ укоризнЪ: то бѣжалЪ я тороп-

ропными шагами остановить лютый приказЪ свой; но вообразя Цулику во объятiяхЪ ненавистнаго Елиха вдругЪ останавлялся.

Таковое изступленiе изчерпало на конецЪ жизненныя мои духи. Я упалЪ вспять на софу, закрылЪ лице мое мантiею, и былЪ какЪ человѣкЪ на пыткѣ, который хотя борется сЪ жизнiю, но отЪ несносныхЪ болѣзней принужденЪ желать конца своего, и вЪ таковыхЪ одно другому противуположенныхЪ чувствованiяхЪ, теряетЪ утомленныя силы свои.

Не вѣдаю, сколько я стеналЪ вЪ семЪ страшномЪ самосраженiи, изЪ коего возбужденЪ давленiемЪ холодной и дрожащей руки. Я воспрянулЪ отЪ прикосновенiя онаго, равно уязвленный смертельнымЪ жаломЪ ехидны, и какЪ меракЪ наступающей ночи соединенЪ былЪ сЪ темнотою, вЪ которой чувства мои были облечены, то чаялЪ я видѣть Мелека предЪ собою, орошеннаго неповинною кровiю, взирающаго на меня робостнымЪ взоромЪ подлаго убiйцы.

Чудовище, вскричалЪ я, произвелЪ ли ты ужасное дѣло? То вонзи твой жаждущiй меня мечь вЪ преступное мое сердце, или принимай должную мзду свою.

Ска-

Сказавъ сіе, всталъ я въ изступленіи, искалъ моей сабли, какъ кроткій голосъ, подобный дыханію весенняго воздуха, вѣщалъ ко мнѣ:

Ахъ! Церирь, тебѣ не нужно оружіе смертное ко умерщвленію сердца вѣрной твоей Ситары. Страданіе о состояніи твоемъ лучше произведетъ сіе въ дѣйство. Но прежде нежели паду я подъ бремянемъ моей печали, дай мнѣ спасти дражайшую жизнь твою. Бѣги въ сіе мгновеніе, когда еще ратникъ, котораго уговорила Перизада къ защищенію твоему, сберегаетъ дворецъ твой отъ поруганія, когда еще нѣжныя убѣжденія ея удерживаютъ ходъ возмущеннаго ея брата; и твои взбунтовавшіеся подданные, отворившія Цалцеру городскія ворота, спѣшатъ къ жилищу Везиря твоего. ——

Видѣть лютость мою, проклинать оную, кричалъ я —— —— Я пойду туды представить имъ жертву примиренія, и дать себя на тѣлѣ сего праведнаго мужа пронзить тысячью кинжалами.

Сагебъ живъ, отвѣтствовала Ситара, предпріятіе Мелеково, подавшее причину къ возмущенію, такъ кончилось, какъ оное заслуживало. Сама Тулруца пронзила безбожное его сердце, не разсу-

дя, что подлый человѣкъ не заслуживалъ умереть отъ руки великодушной женщины.

За чѣмъ же мнѣ бѣжать, говорилъ я, естьли преступленіе мое не произведено въ дѣйство? Я могу еще съ неустрашимымъ мужествомъ обороняться, или умереть съ честію. Можетъ быть я могу еще привлечь къ себѣ сердца моихъ подданныхъ. О! я могу можетъ быть освободить еще нещастную Цулику изъ рукъ мерзкаго Елиха.

То должно тебѣ, 'отвѣтствовала Ситара, спѣшить къ сторонѣ сада, которая орошается Геономъ, гдѣ ты найдешь лодку, готовую для избавленія твоего. Сей путь давно ужѐ предпріяла Цулика съ Елихомъ. Естьли ты сію нещастную красавицу желаешь опять видѣть, переправляйся немедлѣнно за рѣку, и уклоняйся съ крайнею осторожностію новыхъ враговъ; чемъ Туранцы заклялись твоему Царскому роду. Ахъ! куды мнѣ обратить твои стопы, гдѣ бы не былъ ты окруженъ непріятельми, когда твое ожесточенное сердце единственную сильную и чистосердечную другиню отвергаетъ, коя могла бы прекратить бурю сего нещастія.

Не

Не отдавай вѣроломной Перизадѣ сего освященнаго имяни, сказалъ я, ты моя единственная другиня. Естьли жизнь есть благодѣяніе: то тебѣ одной ею я обязанъ. Прости моей невольной страсти, коя несправедлива къ твоимъ прелестямъ и добротамъ, и пріими съ сими нѣжными объятіями обнадеженіе вѣчныя благодарности.

Съ словомъ симъ освободился я изъ слабыхъ цѣпей, въ которыхъ заключали меня Ситарины объятія, и гонимъ безразсудною любовію, обратилъ я къ славѣ и должности стопы стыда. Пробѣгая оставленный мой дворецъ, слышалъ я разносящійся по городу гласъ смѣшенныхъ восклицаній: Да здравствуетъ Король нашъ Цалцеръ, и Везирь его преизящный Сагебъ!

Тронутый симъ ненавистнымъ звономъ, остановился я на нѣсколько, борясь между упорства моего праведнаго гнѣва и слѣпыя страсти, которыя напослѣдокъ новый ударъ, вничтожить ихъ долженствующій, обратили къ выгодѣ сердца. Ахъ! сказалъ я самъ въ себѣ, такимъ образомъ оправдаетъ Сагебъ неправеднаго завоевателя престола моего, естьли прилагаетъ онъ оскорбленіе къ оскорбленію,

преступленіе къ преступленію, то всѣ мои прежнія обязательства погасли, и истреблены угрызенія совѣсти. Уже могу я безъ преступленія насытить жажду мщенія въ крови Елиховой, и гладъ любви моей во объятіяхъ Цулики.

Съ подлою утѣхою сихъ помышленій, приказалъ я гребцу приставть въ томъ мѣстѣ къ Туранскому берегу, гдѣ предъ тѣмъ пристало отшедшее судно. Ежели ты думаешь о лодкѣ, говорилъ сей, которая дочь добраго нашего Везиря, съ мужемъ ее привела въ безопасность отъ неистовства нашего горячаго Короля: то оная не переѣзжала за рѣку, но поплыла по берегу: ибо прекрасная бѣглянка намѣрена искать покровительства въ Иранѣ. Туды можешь и ты плыть, и какъ намъ великодушно заплачено, чтобъ мы повиновались тебѣ, то въ твоемъ повелѣніи избирать путь.

Безъ негодованія проглотилъ я при семъ открытіи горькую чашу деревенскаго ихъ чистосердечія. Пріятно было мнѣ, что они меня не знали. Я отдалъ имъ приказаніе, сѣлъ на жоскія скамьи ихъ спокойнѣе, нежели прежде на порфирномъ моемъ ложѣ, и говорилъ самъ себѣ:

Я

Я не былъ рожденъ для царскаго достоинства. Сердцу моему не нужно онаго сіяніе, и не будетъ оно подавляемо посторонними заботами, когда въ его отличномъ чувствованіи находится неизчерпаемый источникъ наслажденія. Цалцеръ пусть держитъ тяжкій жезлъ правленія, который будетъ ему еще отяготительнѣе бремянемъ несправедливости. Пусть Перизада свой мстительный лобъ покроетъ Короною, которая не можетъ разогнать облака стыда, въ коемъ скрывается ея пріобрѣтеніе. Пусть Сагебъ упражняется опредѣлить истинные предѣлы между правды и неправды, которыя онъ, какъ познать онъ долженъ, самъ преступилъ. Я съ моей стороны спокоенъ, естьли могутъ меня увеселять пріятныя осѣненія любви, когда рука моя не ощущаетъ бремяни лѣжащія на оной возлюбленныя, когда чело мое окружается живыми вѣнцами розовъ безъ тернія, неувядающихъ миртовъ и бѣлыхъ жасминовъ, когда я вдыхаю чистѣйшій воздухъ спокойныя невинности и невозмущаемаго удовольствія, не имѣя нужды заботиться, чтобъ былъ оный поврежденъ злыми парами преступленія и раскаянія, замѣшательства и лицемѣрства. Да, естьли

бы

бы Елихъ былъ въ крѣпости и храбрости вторый Рустемъ, не можетъ онъ оспорить мнѣ владѣнія Цуликою: я получу драгоцѣнную добычу, надлежащую мнѣ, яко свободный подарокъ любви, и братъ мой, коего нѣжность возбудится при моемъ присудствіи, безъ сумнѣнія очиститъ мнѣ уголокъ въ пространномъ царствѣ своемъ, гдѣ могу я увѣнчать мое очаровательное усыпленіе.

Таковыми пріятными мыслемечтаніями сокращалъ я длинные часы ночи, и опасаясь, чтобъ рѣзвыя веслы гребцовъ не пронесли меня далѣе, нежели должно быть мнѣ щастливу въ погонѣ моей, вышелъ я поутру на берегъ, приближился въ одно селеніе, и перваго встрѣтившагося просилъ о доставленіи утомленному путешествующему прохлажденія. Прозба моя исполнена съ радостію, и какъ въ теченіи разговоровъ нашихъ дошла рѣчь моя до освѣдомленія, и я спросилъ, сіяетъ ли днесь слава Гистаспова въ Хоразанѣ или Парсѣ: то хозяинъ мой взглянулъ на меня изумительно, и отвѣтствовалъ.

Молодый человѣкъ! я вѣрю въ разсужденіи твоихъ добродѣтельныхъ намѣреній больше чистосердечію вида твоего, чѣмъ

чемъ знакамъ чести тобою носимымъ; ибо часто благородная броня худое покрываетъ сердце, но спокойство никогда не сокрывало порочнаго намѣренія. . . Но откуда шествуешь ты, не вѣдая, что пріятныя прохлады Истакшарскія и высокія башни Гератскія, уже во власти неправеднаго владѣтеля? что Тистаспъ пренебрегъ должности къ своему народу, и чрезъ то потерялъ свою Корону, кою вѣроломный Тіамасбъ купилъ себѣ цѣною несправедливости? Не ужли великое царство Иранское таковой маловажности, для молвы народныя, что тяжкія нещастія его и чудныя перемѣны не извѣстны свѣту? . . . Однакожъ ты не первый, подающій мнѣ поводъ къ смиренному сему разсужденію. Дворянинъ изъ Карецма, ночевавшій прошедшей ночи подъ сею мирною покрышею съ супругою своею, былъ также пораженъ сею нещастною вѣдомостію, хотя не столько, какъ ты, казался тронутъ.

Говорящія слезы моея безмолвныя скорби обнадежили вѣрнаго Иранца больше, нежели слова, что его тайныя чувствованія сообщены въ грудь вѣрную. Я простился съ нимъ съ благодареніемъ. Сіи послѣднія капли сѣтованія упоили меня,

ня. и я бродилъ по лѣсамъ, ни мало не помышляя о прежнихъ моихъ предпріятіяхъ.

Послѣ моихъ мнимыхъ прозерцаніяхъ благополучія, послѣдовало мрачное воззрѣніе на дѣйствительную бѣдность, которая представляла мнѣ воображеніе о потерянныхъ средствахъ пріити на помощь къ тебѣ, въ полной своей великости. Измѣнничество и злоба Тіамасбова возвратили въ память мою всѣ опыты чистосердныя преданности и добродѣтельнаго усердія оказываемыхъ мнѣ Сагебомъ, и послѣдній порокъ мой, который я побѣдилъ, былъ острѣйшимъ жаломъ укоренія собственному моему сердцу.

Углубленъ въ сіи размышленія, вступилъ я на долину, гдѣ нашелъ ты меня, и моя обыкновенная ярость возросла во мнѣ по прежнему при усмотреніи Елиха, на коего я напалъ — — Но ты видѣлъ наше сраженіе; тебѣ долженъ я щастливымъ онаго слѣдствіемъ. Сіе только прибавлю я, что съ того мгновенія простилъ я ему мое оскорбленіе, и погасилъ любовь мою; ибо въ чувствованіяхъ моихъ произошла таковая перемѣна, что я самъ едва узнаю себя. Я не могу приписывать оныя неудачѣ моихъ надеждъ чрезъ

твое

твое нещастіе, понеже по среди моихъ попеченій получить Цулику, предпріялъ уже я вести ее къ родителю моему яко въ безопасное прибѣжище, и какъ чаялъ я и тебя тамъ найти, то представлялъ себѣ, что соединюсь тамъ со всѣми любезными мнѣ въ свѣтѣ предметами.

О мой великодушный, мой возлюбленный братъ, возопилъ Гистаспъ, должно ли мнѣ торжествующую пальму, яко заслуженіе твое побѣдою надъ твоими страстями, сплести съ печальными кипарисами? Да! помоги мнѣ нести сіе тяжкое бремя скорби, и вѣдай, что нашъ праведный и добрый родитель свою отмѣнную склонность ко мнѣ, увѣнчалъ своею жизнію. Ахъ! естьли бы онъ кормило царства удержалъ въ премудрыхъ рукахъ своихъ, то безбожный Аргіасбъ, повредившій святое его уединеніе, трепещалъ бы отъ сѣни престола его, который ввѣрилъ я другу всѣхъ родовъ лютости, который оставилъ я учредителю всѣхъ степеней вѣроломства въ добычу, и днесь тщетно сожалѣю, предавъ толь постыдно порученное мнѣ почтенно наслѣдіе.

По

По семъ слѣдовало долгое молчаніе между обоихъ Государей, кои въ крѣпкихъ объятіяхъ опустили головы свои на траву, и смѣшивали слезы, проливаемыя по достойномъ родителѣ своемъ, съ совершеннымъ забвеніемъ собственной судьбы своей, доколь Кецри нарушилъ плачевное сіе дѣйствіе, увѣдомя ихъ, что хозяинъ нетерпѣливно желаетъ ихъ видѣть.

Вновь оживленныя очи старца сего, возблистали вѣрностію и подобострастіемъ при взорѣ на Гистаспа, коему говорилъ онъ:

Хотя я желаю жить, о Государь! не токмо чтобъ повиноваться твоему повелѣнію, но и въ надеждѣ видѣть солнце славы твоей свѣтящее въ новомъ сіяніи, когда лучи добродѣтелей твоихъ прогонятъ облаки противностей; однако смерть есть толь хитрый и прозорливый осаждатель, который имѣетъ тысячу путей овладѣть крѣпостію жизни, что намъ не должно терять ни минуты времяни, обращаемаго къ исполненію нашихъ должностей.

За нѣсколько времяни поправляя обвалившееся мое жилище, нашелъ я неизчислимое сокровище золота и дорогихъ

кам-

камней, зарытаго рукою скупости или осторожности въ нѣдра матери своей земли. Хранилище сего безмѣрнаго богатства есть пространный погребъ съ сводами, который въ случаѣ нечаяннаго нападенія можетъ охранить твою освященную особу. Содержаніе онаго можетъ не токмо помочь къ достиженію на престолъ, но и удовлѣтворить многимъ несправедливостямъ, кои претерпѣли твои подданные. Дай небо, чтобъ сей подарокъ щастія, который я дѣйствительно презираю, и коего вредную цѣну искалъ я сокрыть отъ нещастныхъ сыновъ моихъ, былъ источникъ истиннаго добра въ рукахъ моего Монарха, имѣющаго неоспоримое на оный право.

Входъ подземнаго сего мѣста скрылъ я съ таковымъ искусствомъ, что хотя мои дѣти, отъ коихъ безразсудности, о горе! я довольно уже безопасенъ, и кои при найденіи онаго были, съ того времяни онаго сыскать уже не могли. Кецри, коему открылъ я мое таинство, можетъ привести тебя туды. Не удивляйся, что я полагаю въ немъ таковую довѣренность. Почтеніе мое къ сему достойному мужу, приписывается давнему времени; ибо я въ

юности моей видѣлъ онаго въ палатахъ Локмановыхъ.

Послѣдния слова сіи привели Кецріа нѣкоторымъ образомъ въ замѣшательство. Онъ искалъ отвлечь примѣчаніе Государей, и предложилъ имъ осмотрѣть погребъ. Они согласились на то болѣе во угожденіе прозьбамъ великодушнаго своего хозяина, чѣмъ по любопытству или любоимѣнію, несообразному печальнымъ и благороднымъ душамъ ихъ.

Между тѣмъ однако при взорѣ на пирамиды дорогихъ камней, и кучи золота, находящіяся въ пространномъ погребѣ, изумились, и здѣлали заключеніе, что оное принадлежало величайшему Монарху прежнихъ временъ. Гистаспъ выходя вонъ, возвелъ не взначай взоръ на мраморную надпись, и вскричалъ:

Здѣсь перстъ судебъ назначилъ опредѣленіе участи моей. Здѣсь почиваетъ достославный Гемшидъ, который съ своимъ неизмѣримымъ сокровищемъ пропалъ отъ свѣта, когда вѣроломный Цохакъ похитилъ корону его. Здѣсь недостойный Гистаспъ нашелъ послѣднее свое убѣжище въ драгоцѣнномъ сообществѣ Монарха, которому уподобился онъ въ нещастіяхъ, но о горе, не въ добродѣтеляхъ.

Пре-

Престань, о! престань съ сими болѣзненными замѣчаніями, сказалъ Церирѣ; и когда тебѣ сіе чудное приключеніе предвѣщаетъ пріятнѣйшую перемѣну щастія: то не очерьняй блистающій характиръ чернилами неблагороднаго отчаянія.

Можетъ ли сильное золото быть не способно исцѣлить раны, произведенныя имъ въ чести и вѣрности? Можетъ ли Гіамасбъ имѣть предъ нами преимущество, когда мы употребимъ егожъ средство подкупленія, для обращенія Иранцовъ къ ихъ должности? Нѣтъ, я не обвиню человѣковъ таковымъ превратнымъ чувствованіемъ; я спѣшу учинить опытъ.

Разумные совѣты престарѣлаго мужа, увѣдомленія Кецріевы, который по часту ходилъ въ ближнія деревни, и нѣжныя прозьбы Гистасповы удержали похвальный жаръ Цериров къ возстановленію на престолъ брата своего; на конецъ одержала верьхъ нестерпимость его ревности. Какъ былъ онъ Иранцамъ еще незнакомѣе, чѣмъ низверженный и толь долго неприступнымъ бывшій ихъ Монархъ, понеже забвенъ былъ въ кровавомъ объясненіи права своего отъ Гіамасба: то уговорились они, чтобъ испытать ему дѣйствіе непреоборимаго золота въ

сосѣдственныхъ поселянахъ и воинахъ стрегущихъ границы, но съ условіемъ, чтобъ тотъ часъ возвратился съ извѣстіемъ о слѣдствіяхъ.

Надменный пламенными надеждами Цериръ, не столько ощущалъ горесть разлуки, столько нещастный братъ его; но вскорѣ онъ сталъ печальнѣе сего, когда нашелъ, что блистательные посулы его презираются, дабы только вкушать сію всеобщую отраду, на которую неправедный завоеватель только сквозь пальцы взирать долженъ, обнадеживая обманутыя имъ сердца: понеже, хотя Иранцы презирали Тіамасба, но трепетали отъ имяни своего законнаго Царя, и боялись больше представленіемъ себѣ порядка вновь настать имѣющаго, чѣмъ угнѣтенія претерпѣннаго при его владѣніи.

Гнѣвный Государь возвращался мрачною стезею неудачи, и съ намѣреніемъ удалился пути, ведущаго его въ пустыню, дабы миновать опасности, ему послѣдовать могущей, какъ вдругъ увидѣлъ онъ пріятную сѣнь, насажденную рукою искусной природы. Утомленный полуденнымъ жаромъ и печальными размышленіями, спѣшилъ онъ въ прохладную сію застѣнь; гдѣ увидѣлъ на берегу

ту чистаго потока разбитую богатую полатку, отъ лѣнивыхъ стражей оставленную въ попеченіе двумъ прекраснымъ собакамъ, кои въ травѣ кругомъ спали, надѣясь на бодрствіе своихъ несмысленныхъ охранителей.

Когда онъ съ удивленіемъ между оными увидѣлъ двухъ невольницъ, данныхъ отъ него Ситарѣ, и которыя при удаленіи ея отъ Двора за нею послѣдовали, и когда онъ изъ сего дѣлалъ щастливое предзнаменованіе; четвероногіе стражи, взиравшіе на него примѣчательно, оставили вдругъ караулъ свой, уступя старую дружбу новой должности, дабы удовлѣтворить своей врожденной склонности.

Вѣрность звѣря, толь мало подражаемая, и отъ человѣкъ довольно мало уважаемая, напомянула Цериру знакомое сравненіе, и возбудила въ сердцѣ его чувствованіе нѣжности и благодарности, кое толь чисто и справедливо, когда оное сообщается къ существу невинному и услужливому, котораго заслуги и разумъ только отъ недознанія предразсудковъ и лютой гордости сумнѣнію подвержены.

Какъ сіи два любезные звѣря были его любимцы, которыхъ подарилъ онъ

Принцессѣ Дилемской, то присутствіе оныхъ и видъ приглашенія подтверждали въ надеждѣ, что дражайшая другиня его находится въ близости. Онъ вошелъ въ полатку, и приближился къ постелѣ, завѣшенной обширнымъ багряничнымъ занавѣсомъ, дрожащими и осторожными шагами сумнительнаго ожиданія; но едва съ боку Ситарина увидѣлъ очаровательную красавицу, которая равно какъ подруга ея вкушала сладость сна, то познала душа его первую власть, коей была подвержена, и почти забыла отъ восторга обыкновенное упражненіе свое спѣшить къ возлюбленному предмету.

Солнце красоты, отъ коего сіянія онъ толико упорно отвращалъ главу презрѣнія, проницало неугасимымъ пламенемъ любви сквозь желательные взоры его ему въ сердце, и вничтожало сіи слабыя и гаснувшія искры, кои неистовство его нрава раздуло было къ его погибели. Онъ находился въ расположеніи болѣзненнаго напоминовенія и ужаса, какъ рука, которыя ослѣпляющая бѣлизна и пріятное движеніе ему не столь была незнакома, какъ прекрасное тѣло, къ коему оная принадлежала, невзначай коснулась устъ его,

и

и повергла его вЪ непреодолимое восхищеніе; отЪ чего Перизада проснулась.

Ясное небо голубыхЪ очей ея при взглядѣ на Церира мгновенно покрылось облаками, и спокойные лучи его обратились вЪ молнію гнѣва. Ея сладкій, и днесь сильными и необычайными движеніями измѣненный голосЪ, возгремѣлЪ слѣдующія слова:

Бѣги присутствія оскорбленной Перизады, дерзскій измѣнникЪ! или зри мстительный кинжалЪ, который ея до подлости вѣрное сердце за долговременное отЪ тебя терпѣніе освободитЪ отЪ несносныхЪ поруганій.

СказавЪ сіе разгнѣванная Принцесса, обратила остріе грозящей стали вЪ грудь свою. ЦерирЪ во ужасѣ, подкрѣпившемЪ слабость силЪ его, дошелЪ вспять только до дверей намета. ТутЪ палЪ онЪ безчувственЪ между обѣихЪ собакЪ, которые сострадательнымЪ воемЪ, казалось, просили ему дружескаго вспоможенія.

Ситара бросилась на вой сей. Попечительная ея нѣжность имѣла свое дѣйствіе. ОнЪ опомнился, и слышалЪ ее кЪ себѣ говорящую:

Удались отсюду, нещастный Король, когда на конецЪ требуетЪ сего цѣ-

на Перизадиной жизни и покой Ситары, принесшей тебѣ жертву, отъ коей слабая ея душа трепещетъ. За чѣмъ не слѣдовалъ ты въ Туранъ, какъ я тебѣ совѣтовала? когда мнѣ не безъизвѣстны были опасности, кои ожидали тебя въ сей вѣроломному тиранну подверженной землѣ, который заклялся пролить всю до капли дражайшую кровь рода твоего. Ты конечно не припишешь сего къ подлой ревности, что я безуміе твое къ Цуликѣ употребила въ пользу, и старалась о твоей безопасности, назнача тебѣ ложный путь? Избавь небо, чтобъ далъ ты мѣсто въ себѣ таковымъ вреднымъ мыслямъ во время, когда я покою моему на олтарѣ великодушныя любви послѣдній ударъ произвела.

О! никогда, никогда, вопилъ Цериръ, не сумнѣвался я о величествѣ души твоей. Твои возвышенныя намѣренія были единая доска, оставшаяся мнѣ отъ сего довольно заслуженнаго кораблекрушенія. Ты одна можешь избавить меня изъ сей пропасти отчаянія, въ которую низвергъ меня праведный гнѣвъ божественной Перизады, или по крайней мѣрѣ испросить милость умереть предъ ея ногами. —

Слушай! —— перервала слова его Ситара. Не слышишь ты топотЪ приближающихся всадниковЪ, кои грозятЪ мнѣ погибелью чести моей - - жизни - - Бѣги отсюду - - - возвратись вЪ твое Королевство - - - ЦалцерЪ - - - о! уклоняйся отЪ него - - - Я испытаю примирить Перизаду. Простимся на вѣки вЪ сіе мгновеніе - - - на вѣки! стращное слово! могу ли я произнесть оное и жить?

ЦерирЪ несообразимыми словами Ситары былЪ приведенЪ вЪ великое замѣшательство. Но какЪ вЪ испуженныхЪ взорахЪ ея видѣлЪ дѣйствительность предвѣщаемой себѣ опасности: убѣжденЪ благодарностію, повиновался ей, или лучше сказать, возвратился кЪ добродѣтели, которая толь долго изгнанна была изЪ неистовой души его.

ГистаспЪ чрезЪ новое случившееся брату его нещастіе сталЪ печальнѣе, нежели отЪ полнаго уничтоженія своихЪ собственныхЪ надеждЪ, и старался утѣшить его слѣдующимЪ:

Довольно извѣстное дѣло, любезный другЪ! что послѣ бури любовной всегда наступаетЪ яснѣйшее небо; для чего не прилѣпляешся ты кЪ таковому помыш-

ленію, вмѣсто что проходящему гнѣву Перизады присвояешь понятіе вѣчности, кое впечатлѣло въ мысль твою послѣднее отчаянное выраженіе Ситары? О! забудь страшное слово на вѣки, которое душу, по мѣрѣ ея слабости понимать безконечное, ужасать должно, или плачевный стонъ сообщитъ сердцу моему заразу безпокойства, которымъ твое объято.

Хотя я не отверзалъ устъ моихъ жалобамъ гораздо пронзительнѣйшей печали, нежели мои нещастія, но любви достойная моя Кенаія всегда присудствуетъ въ моихъ помышленіяхъ. Заблужденіе, есть-ли думать, что неудовольствованная страсть крѣпче утвержденной взаимною нѣжностію склонности. Нѣтъ, въ пять лѣтъ я довольно изведалъ, что прошедшія удовольствія всеминутно возвращаютъ памяти тысячи напоминовеній, кои огорчаютъ и снѣдаютъ жизнь продолжительнымъ ядомъ скорби. Премудрость не можетъ удержать ядъ сей въ его дѣйствіи: только безуміе дикаго окаменения, которое пріятное растѣніе человѣчества до изкорененія повреждаетъ, можетъ учинить сердце не такъ чувствительнымъ къ потерянному своему благополучію. Можно ли отнять у онаго право, по ощущенію безпре-

престаннаго недостатка чувствованія, которое несвѣдомо недостигшимъ меты своихъ хотѣній, чтобъ не быть тѣмъ больше жалости достойну?

Цериръ былъ изумленъ отъ необыкновеннаго страдательнаго восторга брата своего, и отвѣтствовалъ, вздохнувъ:

Какъ я нещастнымъ случаемъ коснулся струны, могущей разстроить наше согласіе: то оставимъ таковые разговоры, или будемъ говорить о тѣхъ, кои укрѣпляютъ старый нашъ союзъ. Я вижу, что мы можемъ бремя печали нашей увеличить, когда другъ друга утѣшать ищемъ. По сему соединимъ мы себя такъ въ страданіи, какъ соединены въ дружелюбіи. Воздвигнемъ мы храмъ отчаянію, коего зданіе состоитъ изъ печальныхъ кипарисовъ, мрачныхъ тисовъ и нещастныхъ розмариновъ. Тамо будемъ мы повторять слово на вѣки, не споря инако кромѣ слезами, кто наилучше можетъ ощущать ихъ впечатлѣніе.

Тистаспъ принялъ предложеніе, и тотъ часъ произвелъ оное съ ревностію, сходственною лѣтамъ, коихъ жаръ долженствуетъ питаться какимъ нибудь предметомъ. Старикъ и Кецри подражали печальнымъ расположеніямъ ихъ; ибо то

казалось имъ лучшимъ средствомъ къ подкрѣпленію злополучныхъ Монарховъ въ времяни ихъ неблагоденствія. Понеже довольно вѣдали, что естественныя чувствованія суть щитъ противу искусства страстей, и что и самое нещастіе въ любви имѣетъ свои прелести, достаточныя привести въ забвеніе искусительную, но пустую гордость величества. Древеса, кои научили приклонять суровыя ихъ вѣтви, для изображенія сего святилища скорби, во время продолженія года распространили мрачность тѣни своей. Птички, обитатели оныхъ, научились уже повторять слова: Перирь на вѣки утратилъ божественную Перизаду, Гистаспъ на вѣки разлученъ отъ любви достойной Кенаіи; но оба они желаютъ на вѣки остаться въ раскаяніи и братней любви; какъ унывный напѣвъ сей нарушенъ почтеннымъ Ацимомъ, коего ввелъ къ Государямъ симъ Кецри. Оный говорилъ къ нимъ тако:

Оставьте, Государи, сіе обиталище скорби, и послѣдуйте за мною въ жилище утѣшенія. Премудрый Локманъ приглашаетъ васъ къ наступающему открытію Лавиринөа, обѣщаетъ покровительство свое въ семъ дальнемъ пути,

коего водительство ввҍряетъ моему попеченію. Спҍшите стопами проворства вступить на стезю надежды: ибо когда опытъ сердецъ вашихъ здҍланъ, то доброе послҍдство онаго отверзаетъ вамъ врата милости.

Монархи оказали благодарность свою къ Локману, и преданіе свое въ его волю, и привҍтствовали Ацима весьма дружественно. Въ послҍдующее утро оставили они съ непритворными слезами любви своей плачевное уединеніе, простясь нҍжно съ великодушнымъ другомъ, и поруча покой его старанію Кецрія.

Разумный Ацимъ, имҍющій достаточное число провождателей, для удержанія обыкновенныхъ оскорбительныхъ случаевъ; но по видимому не былъ онъ въ состояніи выдержать сильное нападеніе: почему съ царствующими путешественниками избиралъ проселочныя дороги, и ҍхалъ весьма медленно. По таковой предосторожности видҍли Государи сіи, что Ацимъ не оченъ надҍется на упованіе къ Локману; но опасались привлечь неудовольствіе его въ случаҍ непослушанія.

И такъ они прибыли въ Лавиринфъ не прежде, какъ въ самый день опыта, и тотчасъ допущены къ обыкновенному изысканію.

За-

Замѣшательство и страхъ водительствовали стопы ихъ по стезямъ, кои они прежде проходили безпечно, и безпокойство ихъ усугублялось при новыхъ закоулкахъ, изъ которыхъ имъ вытти надлежало. Трепещущей рукой срывали они цвѣты, и съ ужаснутыми взглядами искали въ очахъ Локмана приговору судебъ своихъ, который отпустя всѣхъ посторонныхъ, и повѣля служителямъ своимъ поудалиться, говорилъ къ нимъ сiе:

Привѣтствую васъ, владѣтели, троекратно привѣтствую васъ отъ того, коего слуга есмь, и который въ милосердiи своемъ простилъ ваши погрѣшенiя, возвратилъ опять сердца ваши добродѣтели, и благословилъ неусыпныя заботы, въ которыхъ я слѣдовалъ за слѣдами вашими по мѣрѣ трудностей, мною предвидѣнныхъ.

Приклоните слухъ къ моимъ цѣльбоносным предписанiямъ, и воспоминанiе вашего дорогокупленнаго познанiя въ печатлѣйте во умы ваши буквами вѣчно незаглаждающимися. Но дабы воспоминанiе вашихъ заблужденiй не отяготило слухъ вашъ, и вашу опредѣлительную силу въ разсужденiи способностей моихъ не обмануло,

нуло, то долженъ я открыть вамъ средства, по коимъ я вѣдалъ о вашихъ поступкахъ, и право, которымъ достигъ до наставленія и призора надъ вами.

Со времяни, когда вы въ первые гласомъ невинности искали моего покровительства, и съ пылкостію юношества оставили мои полаты, служители мои послѣдовали стопамъ вашимъ. Когда я не могъ препятствовать свободной волѣ вашей, то по меньшей мѣрѣ показывалъ лучшія заключенія къ вашему вознамѣренію. Когда не позволено мнѣ было избавить васъ отъ нещастій, въ кои повергало васъ неразсудное ваше поведеніе, то искалъ однако я оныя облегчить. Я послалъ Сагеба на помощь Цериру, и по повелѣнію моему Кецри не выпускалъ изъ глазъ Гистаспа. Да! точно такъ Царь, Кецри былъ увѣдомившій Ацима о твоемъ невольничествѣ, и приведшій его въ состояніе искупить тебя. Онъ былъ наставившій добраго Афрасіаба исполнить хотѣніе твое и мое желаніе въ особѣ Принцессы Кенаіи, и сія съ намѣреніемъ была послана въ лѣса Карецмскіе, чтобы сердца ваши прежде рукъ вашихъ соединились, и тѣмъ утвердился прочнѣйшій миръ между обоихъ народовъ.

Вѣр-

Вѣрный Кецри былъ свидѣтелемъ храбрости твоей, когда освободилъ ты Туранъ отъ двухъ пожирающихъ чудовищъ. Онъ трепеталъ отъ опасности, когда ты противу совѣтовъ Ацима и Сагеба, вызывалъ запальчиваго своего брата. Печальные очи его долго устремлены были на неприступные полаты твои, и съ быстростію истинныя склонности, бѣжалъ онъ по слѣдамъ твоимъ, въ хижину, куда привело тебя провидѣніе.

Онъ далъ мнѣ радостное извѣстіе, что ты учинилъ горестное признаніе, отъ коего зависѣла перемѣна сердца твоего и щастія, и я исполнилъ мое обѣщаніе видѣть тебя опять въ полатахъ сихъ, чтобы увѣриться о тебѣ новыми опытами о твоихъ расположеніяхъ и совѣтахъ разума. Я готовъ тебѣ сообщить мои, но прежде открою тебѣ настоящую пропасть бѣдствій, въ кою низвергло тебя твое упрямство.

Измѣнничество Аргіасбово было опаснѣйшее между оными. Онъ возмутился, когда ты противъ совѣта Гудерцова, занялъ часть Карецма, ему надлежащую. Къ томужъ присоединяется гоненіе брата твоего отъ разбойниковъ, коихъ ты неразсудно противу возраженія Ацимова

на-

наградилЪ. ДалѢе вѢдаешь ты, что твое собственное паденіе слѢдовало по порядку противностей, кои допустилЪ ты претерпѢть твоимЪ подданнымЪ. Дѣйствіе своевольнаго твоего ослѢпленія было, когда ты предалЪ себя человѢку, котораго пороки изключили его отЪ престола, на который возвысили тебя добродѢтели отца твоего.

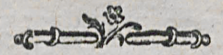
Но какЪ столько противностей безЪ сумнѢнія проистекало изЪ столь долго неизвѢстнаго ненавистнаго источника: то не меньше справедливо, что каждое твое доброе дѣяніе произвело щастливое приключеніе. Твое великодушіе во освобождении твоихЪ враговЪ отЪ ихЪ пожирающихЪ опустошителей служило ко освобожденію самого тебя отЪ висящей опасности. Великодушіе твое противу обоихЪ ПринцовЪ, коимЪ отдалЪ ты трофеи твоей храбрости, доставило не токмо супругѢ твоей безопасное прибѢжище; но и возводитЪ тебя опять на твой престолЪ. Ибо Фирцана, который наслѢдовалЪ подлому и вѢроломному Аргіасбу, и тебѢ обязанЪ короною, благодарность свою чрезЪ то явилЪ, что послалЪ вЪ ИранЪ сильное войско подЪ начальствомЪ СагебовымЪ, который

 яко

яко военачальникЪ утвердилЪ то преимущество надЪ ГіамасбомЪ, кое имѣлЪ, бывЪ ВезиремЪ, побилЪ онаго на голову, Кенаію на престолЪ возвелЪ, и мудрыми распоряженіями открылЪ тебѣ путь вЪ сердца твоихЪ подданныхЪ. На конецЪ человѣколюбіе твое кЪ огорченному старику твоему хозяину, учинило безопаснымЪ прибѣжище твое отЪ поисковЪ злобы.

Жестокой искуситель дѣтей стариковыхЪ, который вЪ сраженіи опасно раменЪ, и вЪ ономЪ состояніи отЪ развращенныхЪ юношей ограбленЪ оружіемЪ, свѣдалЪ отЪ нихЪ о найденномЪ отцемЪ ихЪ сокровищѣ. КакЪ онЪ лѣжалЪ долго при смерти, то сія важная тайна неправедному завоевателю не преже пришла во уши, какЪ когда ужѐ былЪ онЪ низложенЪ. ВЪ сіе исполненное надежды прибѣжище ушли ГіамасбЪ и ЦороастрЪ, подЪ предводительствомЪ ихЪ адскаго переносчика вѣстей, и вмѣстѣ со онымЪ заперты вЪ подземномЪ сводѣ прозорливымЪ старикомЪ и бодрственнымЪ Кецріемъ.

Здѣсь сіи кровавыя ехидны растерзаны зубами глада посреди блестящихЪ веществЪ, изЪ коихЪ высасывали они ядЪ свой, обратя другЪ противЪ друга свои смер-

смертоносныя жалы, и подъ ужасными мученiями желая проклятую жизнь свою продолжить, хотя на одну томительную минуту. Страшная, но недовольная казнь за неисчетные ихъ пороки!

Возвратись потому въ Гератъ, гдѣ добродѣтельная Кенаiя съ нетерпѣливостiю любви ожидаетъ твоего прибытiя, и скучные часы свои сокращаетъ тѣмъ, что научаетъ невиннаго младенца своего, нечувствующаго приключеннаго ему оскорбленiя, броситься къ тебѣ съ разверстыми объятiями. И понеже твои прежнiе проступки суть страшное наставленiе для Монарховъ, считающихъ свое порочное упрямство за великодушное постоянство; то оставь будущее поведенiе твое въ равномѣрный примѣръ имъ, что, когда познанiе заблужденiя, слабому разуму толь горько кажущееся, свидѣтельствуетъ о величiи души, показываетъ оно притомъ способности поправить худыя онаго слѣдствiя.

Но всего больше обращай крайнее твое раченiе, удержать заразу безбожнаго суевѣрiя, кою распространилъ ты въ своемъ царствѣ. Сей порокъ есть таковый, за который ты не можешь воздать инако, какъ склоня всѣхъ под-

данныхъ твоихъ къ чистому и простому богослуженію твоихъ предковъ, и каждому предлагающему новое ученіе, отказывая сими словами: Каждаго человѣка должность оправдывать дѣянія свои къ своему создателю; а не пути создателя своего оправдывать предъ человѣки.

Что до тебя лѣжитъ; Король Цериръ, коего проступки были не изъ столь мрачной краски, то чувствительность твоя скончала твои наказанія. Вѣдай, что твой преизящный Везирь, котораго въ безуміи своемъ искалъ ты смерти, коего вѣрность обвинялъ ты въ волнительномъ бунтѣ разгоряченной черни, во вторый разъ пріобрѣлъ тебѣ корону, потерянную твоими глупостьми; что онъ сильнымъ краснорѣчіемъ добродѣтели, подданныхъ твоихъ очень скоро воззвалъ къ должности, и охладилъ мщеніе по справедливости разъяреннаго твоего непріятеля, и что на конецъ великодушную Ситару уговорилъ, быть цѣною мира, и принять руку влюбившагося въ нее Цалцера, который въ соединеніи своемъ съ сею добродѣтельною и любви достойною Принцессою вкушаетъ благоденствіе предпочтенное имъ мудро немирному чистолюбію.

Знай

Знай далѣе, что воздержность и умѣренность есть та добродѣтель, коя тебѣ потребна. Сіе пріобрѣтеніе досталъ ты сердцу своему чрезъ благородное и добровольное пожертвованіе страстью своею, и уступкою Елиху ему надлежащаго, коего благословенія доставляютъ тебѣ исполненіе сердечнаго твоего желанія.

Перизада въ моихъ полатахъ. Приими свою обыкновенную пылкость, и спѣши предстать прелестному предмету твоей благооснованной любви, приведи ее ко мнѣ примиренну и согласующуся на твое щастіе, и я съ радостію перемѣню долгъ строгаго укорителя на упражненіе нѣжнаго родителя.

О ты, возгласилъ Церирь, котораго ты не инако разумѣешь, какъ существомъ чрезъестественнымъ, не взирая на скромность твою, коя наклонена увѣрить насъ о противномъ, какую дань благодарности или должности заплатимъ мы тебѣ, чтобъ было то соразмѣрно обязанности нашей и твоихъ безконечныхъ милостей. Но я оставляю брату моему, естьли возможно, выразить чувствованія своего и моего сердца, и слѣдуя приказу твоему, бѣгу принять неоцѣненный даръ небесъ и твоей щедроты.

Перизада, равно какъ и Монархи, приглашена была въ Лавиринѳъ; но отъ опыта была пощажена премудрымъ; ибо онъ читалъ въ ея Ангельскомъ видѣ праведность и чистоту ея сердца очень явственно, и тающую ея душу усладилъ надеждою. Она избрала жилище себѣ въ одной изъ множества комнатъ находящихся въ палатахъ Локмановыхъ ко услугамъ разсуждающаго уединенія. Тамъ ожидала она съ ужасомъ любовнымъ слѣдствій испытанія, какъ прекрасные юноши, приносящіе ей ежедневно сладкую жертву невинныя ея заботы, ввели къ ней Церира.

Влюбленный Король, поверженный на колѣни, просилъ помилованія, кое давно уже имѣлъ на своей сторонѣ. Уста его обыкновенное свое упражненіе оставили своимъ разительнымъ очамъ, коихъ красноръчію не могла она долго противиться, и отвѣтствовала:

Не производи, мой Король, чрезмѣрною живостію раскаянія твоего стыда, замѣшательства на щекахъ моихъ; ибо увѣрена я, что я сама заслуживаю укоренія, жестокимъ страстямъ надлежащія. Между тѣмъ можно меня отъ части извинить, что мои непристойныя выраженія

нія въ послѣднее наше свиданіе были бѣдствіе, на коемъ утверждалось взаимное наше счастіе. Терпѣніе, по замѣчанію Локманову, есть добродѣтель, которая полу моему въ распространеніи своемъ относится въ презрѣніе, такъ какъ недостатокъ умѣренности мущину приводитъ въ заблужденія.

Но присутствіе твое въ семъ мѣстѣ возвѣщаетъ мнѣ, что время опыта нашего кончилось. Встань, любезной Цериръ, пойдемъ къ премудрому. Когда опредѣленія его, которымъ я себя безъ противленія подвергаю, выдутъ согласны моимъ ожиданіямъ: то взаимное наше почтеніе вскорѣ угаситъ память нашихъ погрѣшностей.

Сладостная скромность Перизадина восхитила Церира еще больше красоты ея. Въ безмолвномъ довольствѣ схватилъ онъ поданную ею руку, которыя владѣніемъ обнадежилъ Локманъ на вѣки любовь его.

Такъ дозволило въ сей разъ счастіе, чтобъ чувствительность увѣнчана была вѣнцемъ удовольствія, и постоянство воспріяло заслуженное благополучіе, дабы доказать въ примѣрѣ Перизадиномъ, что добродѣтели нѣтъ невозможнаго.

Обыкновенное торжество, съ каковымъ обычайно происходило празднество Лавиринѳа, не нарушило восхищеній обоихъ счастливо влюбленныхъ. Ихъ сами въ себѣ стекающіяся, и неизрѣченными чувствованіями наполненныя сердца, не удерживались, кромѣ лучами истинныя склонности вливаемыми при взглядахъ на Локмана, и искрами радости вылетающими изъ очей Гистасповыхъ.

Когда въ слѣдующее утро возстали они съ ложа восхищеній, повелъ ихъ Локманъ въ препровожденіи Монарха Иранскаго въ покрытый ходъ Лавиринѳа, гдѣ воздвигались рѣзныя изображенія явившихся при опытахъ отмѣнно изящными.

Тамо Перизада съ обоими Государями видима была въ полный ростъ, представленый рукою толь искусною, что Церирь вскричалъ:

О! сіе по истиннѣ есть дѣло Геніевъ [духи]! Никакой смертный не могъ бы сего довести въ таковое совершенство.

Имянованіе Геній, отвѣтствовалъ Локманъ, по справедливости налагается совершеннымъ въ искусствѣ, и впредь долженствуетъ быть имъ отдаваемо и отъ великой толпы завистливыхъ, которые воздаютъ имъ честь, предлагая, что

они

они сіе презираютъ, и труды таковые осмѣиваютъ.

Но откуду произходитъ, что человѣкъ вообще, который надъ нѣкоторыми малыми ничего значущими преимуществами, имѣемыми имъ предъ прочимъ множествомъ тварей, толь гордъ есть, существамъ и выше его сферы состоящимъ толь великую прилагаетъ цѣну, что не осмѣливается достигнуть самъ оныхъ преизрядства? По истиннѣ оное не есть недовѣрчивость къ своимъ собственнымъ способностямъ, но нераченіе, которое свѣтъ распространеніемъ своимъ отъ вѣка въ вѣкъ запутываетъ въ невѣжество.

Сіе должно приписать мнимому изобрѣтенію искусства за ново считаемой Системы наукъ, въ каковой чести спорствуютъ народы, и утверждаютъ оное на нѣкоторыхъ особливыхъ точкахъ времяни, равно какъ, будто бы нашедшій искру огня въ кучѣ золы, имѣлъ право присвоять себѣ, что онъ и самый огонь создалъ.

Нѣтъ, чудная книга природы была первому человѣку также отверста, какъ будетъ и послѣднему; но не многіе читаютъ оную такъ, чтобъ открытія ея учинить вѣчными. Они стремятся къ

причинамъ, вмѣсто чтобъ дѣйствія обращать къ доброму употребленію; и глупая вражда ихъ вооружаетъ гордость недовѣрчивостію, и повергаетъ слабость въ пропасть суевѣрія.

Названіе очарованнаго, которое подлость наложила Лавиринѳу, есть доказательство послѣднему доводу. Между тѣмъ однако я къ познанію сего, которое по силѣ обѣщанія моего открыть долженъ, достигъ весьма естественными средствами.

Съ словами сими повелъ премудрый царственныхъ гостей своихъ въ бесѣдку, покрытую листвіемъ, посадилъ ихъ тамъ на земляныхъ скамьяхъ, и продолжалъ рѣчь свою:

Я прежде упомянулъ ужѐ, что остроумнѣйшее испытаніе причинъ есть путь къ ослѣпленію нашему въ разсужденіи дѣйствій: то вы легко понять можете, что я особливое равнообразіе между цвѣтовъ и страстей человѣческихъ извѣдалъ, не по испытаніямъ и размышленіямъ.

Подобно какъ инстинктъ (*) животныхъ испытателямъ естества служилъ къ

(*) *Инстинктъ, побужденіе или наклоненіе къ дѣйствіямъ въ животныхъ.*

къ наукѣ о добротѣ насажденій и ихъ дѣйствій въ крови человѣческой, такъ время-провожденіе юношества моего наставило меня въ равнообразіи, которое наши страсти, въ крови возстающія, и къ очищенію духа ниспосылаемыя, имѣютъ съ сими нѣжными произведеніями природы, кои больше предъ прочими растѣніями требуютъ чистаго ефинарго огня, дабы достигнуть къ совершенству ихъ преизящнаго запаха и прекрасныхъ тѣней въ цвѣтахъ.

Общество посредствомъ благосклонныхъ ко мнѣ предразсудковъ, чему обязанъ я за прилѣжаніе мое въ сообщеніи оному плодовъ, собираемыхъ мною съ плодоноснаго древа ученія, привело меня въ состояніе распространить мои наблюденія. Отъ давнаго времяни юношество обоихъ половъ присылается въ полаты мои, яко нѣжное насажденіе къ искусному садовнику, чтобъ быть воспитанну во очахъ прилѣжнаго присмотра.

Когда я малыя обстоятельства толь драгаго повѣряемаго мнѣ добра препоручалъ надежнымъ рукамъ, то всегда самъ о благѣ мнѣ отданныхъ назиралъ боязнеными очами родителя. По часту водилъ я сіе склонное къ забавамъ общество самъ

на пестрые луга, или въ увеселительные сады, и примѣчалъ, что они, по ихъ различнымъ нравамъ и врожденнымъ склонностямъ, оказывали особливое удовольствіе или несклонность къ тому или иному цвѣтку; и хотя я тогда Феномену сію изъяснить не разумѣлъ, да и теперь едва ли понимаю; но чрезъ повторяемые опыты увѣренъ въ неопровергаемой истиннѣ.

Между тѣмъ дѣйствующей возможности разсужденій я не давалъ быть въ праздности. Когда видѣлъ я открытосерднаго или благонравнаго мальчика, или живностную и невинную дѣвочку, привлекаемыхъ цвѣткомъ розы; то находилъ я между оными и симъ въ видѣ и запахѣ толь совершеннаго цвѣтка нѣкое сходство. Я видѣлъ члены Симпатіи между кроткими чувствованіями и сладкимъ обоняніемъ фіялки, между слабостію и низкими маргаритками, между постоянствомъ и неувядающими амарантами, между чистотою и бѣлизною лиліи. Я примѣчалъ, что горячаго сложенія плѣняемы были туберозою; жадные къ чувственности крѣпкимъ, но пріятнымъ запахомъ Шпанскаго нарциза; роскшоные увеселяющимъ духомъ жасмина, и умѣрен-

ренные прелестнымъ смѣшенiемъ тѣней и запаха гвоздики. Въ сiяющей и постоянной живости миртовыхъ листовъ и нѣжныхъ его цвѣтовъ, находилъ я причины, для чего избираются оные способными къ вѣрной любви. Я понималъ удобно, для чего суетная дѣвица срывала пестрый беззапахный тюльпанъ, и надменный юноша избиралъ цвѣтокъ простаго нарциза.

Словомъ, каждый прiятный или противный очамъ или обонянiю цвѣтъ; производилъ мысли, подтверждающiя мнѣнiе мое о сходствѣ между онымъ и какою нибудь нашею страстiю; и на конецъ, когда я замѣтилъ, что всякой, въ разсужденiи того, предался ли онъ страстямъ своимъ совершенно, или только имѣлъ наклоненiе ко онымъ, срывалъ цвѣтокъ совершенно развернувшiйся, или только распукавающiйся: то вспало мнѣ въ умъ завести Лавиринѳъ, и прiобщить къ оному силу привлекательныхъ Симпатiй, въ томъ что каждую дорожку осадилъ я цвѣтами одинакаго рода, и дѣлалъ расчеты примѣчательно, которыхъ пространное обьясненiе будетъ продолжительно и маловажно.

Я

Я доволенъ, естьли оправдалъ заблужденіе ваше въ разсужденіи меня; но когда чрезъестественная сила хотя не есть жребій человѣка, но разумъ его пріемлетъ участіе въ самой крѣпости существа духовнаго, потому упражненіе его достойное состоитъ въ томъ, чтобы собирать благодѣтельствующіе потоки, изливающіеся отъ вѣчнаго источника всякаго добра, и сообщать оные своимъ собратіямъ.

Я испыталъ сіе, что благородное стремленіе къ поспѣшествованію всеобщія пользы, всегда провождается удовольствіемъ въ самомъ себѣ; по чему употребилъ я въ пользу наклоненіе человѣка къ удивительному, дабы мое всеобщее доброхотство обнадежить плодами изрядныхъ послѣдствъ. И хотя расположеніе моего Лавиринѳа не освобождено отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей; но извѣстенъ я о моихъ добрыхъ намѣреніяхъ, и возлагаю упованіе мое на силу, всегда оныя награждающую.

Третіей и послѣдней части

КОНЕЦЪ.

